

«ДВОРЦОВОЕ ГОСУДАРСТВО» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

И.И. Глебова

*Институт научной информации
по общественным наукам РАН*

Аннотация: *В статье, исходя из концепции российского государства В.О. Ключевского, рассматривается его сословно-корпоративная сущность – феномен «дворца», – которая и возродилась в современной капиталистической России. Рассмотрены исторические формы феномена «дворца» и перспективы его развития в наших условиях: через «дворцовые» перевороты к подлинной демократии.*

Ключевые слова: *«дворцовое государство», сословно-статусное государство, коммерциализация бюрократии, государство-корпорация.*

Одна из задач современной политической науки – понять, как в 1990–2000-е годы трансформировалось государство в России. Для уяснения сути трансформации представляется возможным использовать политические метафоры. С моей точки зрения, вполне релевантна метафора, имеющая исторические «корни», – «дворцовое государство» (или «государство–Дворец»). Она принадлежит В.О. Ключевскому; в этой формуле зафиксирована («схвачена» и выражена словами) природа послепетровского государства.

Конечно, Ключевский не ставил перед собой задачи создания концепции, – налицо размышления, замечания, наблюдения и само определение («дворцовое государство»). Это лишь материал для теории. На него я, собственно, и опираюсь, пытаюсь выявить смысл современного государства в России. Причем использую своего рода инверсионный исследовательский ход: говорю о современности «старыми» словами. (Историки, как правило, новый концептуальный аппарат применяют для изучения «старого» государства.) Но учитываю полное изменение контекста: XVIII и XXI вв. по самым существенным параметрам – люди, тип общества, технологии, культура – несопоставимы. И в то же время связаны – как разные этапы реализации в истории одной социальности. Надо только обнаружить эту связь.

«Дворцовое государство» В.О. Ключевского

Собственно, вся послепетровская история XVIII в. у В.О. Ключевского связана с государством, рассматривается с точки зрения его эволюции¹. При этом выделяется несколько ключевых (концептуальных) характеристик:

1) о динамике государства:

Петр «действовал деспотически; но, олицетворяя в себе государство, отождествляя свою волю с народной, он яснее всех своих предшественников сознавал, что народное благо – истинная и единственная цель государства. После Петра государственные связи, юридические и нравственные, одна из другой порываются, и среди этого разрыва *меркнет идея государства, оставляя по себе пустое слово в правительственных актах*»²³.

«Немецкие правители превратили преобразованную Петром Россию в торговую лавку, даже в вертеп разбойников»⁴.

«Правительствам после Петра было не до коренных вопросов, не до начал и задач реформ: они едва справлялись и с первыми встречными затруднениями»⁵.

«Придворные интриги заменяли политику, великосветские скандалы составляли новости дня. Умственные интересы гасли в жажде милостей и увеселений»⁶.

«Петру не удалось укрепить свою идею государства в народном сознании, а после него она погасла и в правительственных умах. Законным преемникам Петра... была недоступна его государственная идея... *Государство замкнулось во дворце*. Правительства, охранявшие власть даже не как династическое достояние, а просто как *захват*, которого не умели оправдать перед народом, нуждались *не в народной, а в военно-полицейской опоре*»⁷.

Мысль о том, что «без уставно-церковной подтяжки и полицейского страха невозможны никакая благопристойность, никакой общественный порядок», воспитана «всем складом русского быта»⁸.

2) о явлении «дворяновластия»:

«...Крупный общий факт, выработавшийся из всей неурядицы той эпохи: это – начало дворяновластия... В сословии, бывшем доселе привычным орудием правительства в управлении обществом, зародилось стремление самому править обществом посредством правительства». Формировался порядок «должностного кормления сословия»⁹.

Произошли «резкое юридическое обособление и нравственное отчуждение потомственного дворянства от прочих классов общества»¹⁰.

«Правительство, прежде взыскательное к дворянам, как обязанным своим слугам, теперь старалось щадить их, как своих вольных агентов»¹¹.

Дворянство «к моменту воцарения Екатерины II... составило народ в политическом смысле слова, и при его содействии *дворцовое государство преемников Петра I и получило вид государства сословно-дворянского*. Правовое народное государство было еще впереди и не близко»¹².

¹Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. – Кн. 3. – М.: Мысль, 1993. – 559 с. - с. 101–140, 144–186, 294–296, 310–319.

²Там же. С. 170.

³Здесь и далее выделено мною. – И.Г.

⁴Там же. С. 110.

⁵Там же. С. 147.

⁶Там же. С. 506.

⁷Там же. С. 195.

⁸Там же. С. 113.

⁹Там же. С. 177.

¹⁰Там же. С. 163.

¹¹Там же. С. 167.

¹²Там же. С. 196.

3) *об экономическом измерении государственного порядка:*

Екатерина I «...распустила управление, в котором, по словам одного посла, все думают лишь о том, как бы украсть»¹³.

«При разгульном дворе, то и дело увеселяемом блестящими празднествами, ...стая <иностранцев> кормилась досыта и веселилась до упаду на доимочные деньги, выколачиваемые из народа. Недаром двор при Анне обходился впятеро-вшестеро дороже, чем при Петре I, хотя государственные доходы не возрастали, а скорее убавлялись. «При неслыханной роскоши двора, в казне, – писали послы, – нет ни гроша, а потому никому ничего не платят». Между тем управление велось без всякого достоинства... Все казавшиеся опасными или неудобными подвергались изъятию из общества... Между тем народное, а с ним и государственное хозяйство расстраивалось... Источники казенного дохода были крайне истощены, платежные силы народа изнемогали... Устроена была доимочная облава на народ; снаряжались вымогательные экспедиции». Так действовали «разнузданные народным бессилием пришельцы»¹⁴.

«...Правительство иногда не знало, сколько у него денег и где они находятся... Единственным деятельным и добросовестным контролером и будильником наклонных к дремоте правительств был постоянный дефицит. Он заставлял правящие верхи заглядывать вниз, в глубь управляемой ими жизни, и способные наблюдать люди увидели там полный хаос... *Пособницей дефицита была сама верховная власть.* Елизавета лично для себя копила деньги, как бы собираясь бежать из России, и забирала текущие казенные доходы, предоставляя министрам изворачиваться, как умеют»¹⁵.

Собственно «дворцовое государство» Ключевского следует понимать как результат раскрепощения (эмансипации) «элит» от деспотизма верховной власти, утраты ими этоса службы и обособления от остального населения в привилегированное сословие, «приватизации» ими государства, подчинения государственной идеи узкокорыстным сословным интересам. Верховная власть была встроена в модель «Дворца», что сопровождалось мутацией ее природы (в направлении к ограниченной, «договорной»). В отношении государства речь также шла об абсолютизации им экономических интересов, его сосредоточении на «получении денег», «быстрых прибылей», конвертируемых в доходы дворцовых «актеров» – в том числе персонификаторов верховной власти и их ближайшего окружения («семьи»).

Фактически Ключевский считал, что «дворцовое государство» заинтересовано почти исключительно в обогащении тех, кто его составлял. То есть понимал его как сословное, нацеленное на удовлетворение чрезвычайно узких социальных интересов. И оценивал как своего рода «изъян», исторический «вывих», случайное «отклонение» от «правильной» тенденции, обозначенной петровским государством «всеобщей службы», где «воспитательная диктатура» власти распространялась на все сословия «без изъятия». Уравнение в обязанностях Ключевский рассматривал в качестве гарантии последующего уравнения в правах¹⁶. То есть русский путь к «правовому государству», по мнению великого историка, прокладывало деспотическое «служилое» государство, основанное на равенстве в бесправии, крепостном праве.

¹³ Там же. С. 106.

¹⁴ Там же. С. 137, 138, 139.

¹⁵ Там же. С. 151, 148.

¹⁶ Логика Ключевского такова: в «определении сословных отношений» Петр «...не был чужд уравнительных стремлений именно на почве государственных повинностей. Он распространил некоторые специальные классовые повинности на несколько классов, какою была, например, податная, положенная им на все виды холопства, а воинская повинность стала даже всесословной. Это обобщение повинностей со временем должно было лечь в основу и правового уравнения общественных классов. Приступить к этому уравнению предстояло снизу, законодательной установкой крестьянских повинностей, особенно платежей и работ крепостных крестьян на господ» (Ключевский В.О. Указ. соч..., с. 171–172).

«Разгосударствление» по-постсоветски

Одна из причин постсоветского «перехода» (транзита) заключается в кардинальном изменении отношений «общество/личность–государство». Они активно трансформировались с послесталинских (точнее, с послевоенных) времен; сейчас мы находимся на пике этих изменений. Нормативная советская модель отношений, в которой личные (а также коллективные, корпоративные, профессиональные и др.) интересы полностью поглощались государством (модель *тотального огосударствления*), в постсоветские времена сменилась моделью «разгосударствления».

Ее обычно характеризуют односторонне – как *тотальное «бегство от государства»*, т.е. поиск населением «теневых» ниш, независимых способов существования и минимизацию связей с государством (прежде всего, требующих исполнения социальных обязательств – уплаты налогов, службы в армии и т.п.). При этом представление о государстве как раздаточной и репрессивной инстанции в обществе сохранилось, более того, оно доминирует. Однако это, скорее, остаточное явление, навязчивый образ советского прошлого.

«Разгосударствление» включает в себя и обратный процесс: «бегство» государства от граждан, т.е. сворачивание им своих социальных функций, обязательств, и его «минимизацию», замыкание в себе¹⁷. Причем речь идет не о частичном уходе государства из некоторых сфер, минимизации мелочной опеки им социальной среды, характерных для развитых стран, а о *переориентации государства с общесоциальных интересов на «узкословные»*. На смену тотальному, всепоглощающему советскому государству – террористу, модернизатору, морализатору, монопольному распорядителю «общенародной» собственностью – пришел «Дворец». Демонстрируемые им технологическое несовершенство и концептуально-идеологическая слабость создают у населения ощущение «дефицита» государства – его неэффективности, несправедливости, неспособности или нежелания исполнять свои обязанности¹⁸. Эксперты отмечают, что это государство не может обеспечить реализацию курса на модернизацию экономики, политики, инновационное развитие и т.п.¹⁹ Результаты и концептуализировать массовые ощущения и экспертные оценки можно, на мой взгляд, в определении современного государства в России как «дворцового».

«Дворец» – это не отклонение от «должного» государства (советского «общенародного» или западного правового, социального и т.д.) и не его извращение/«ухудшение», которое при желании можно исправить. Это вполне самостоятельная форма правления, обусловленная новыми условиями и старыми государственными традициями. Здесь следует сделать две оговорки. Разумеется, современное «дворцовое государство», воспроизводя некоторые характерные черты «классического» (уже являвшегося в нашей истории), обладает и иными измерениями. Что связано и с другой исторической эпохой, и с иными потребностями современного социума и кратоса. Кроме того, предлагаемый концептуальный аппарат не отменяет все остальные. Это лишь одна из призм, через которую может рассматриваться современность.

¹⁷ Собственно, в описаниях российского общества эти процессы фиксируются: «В обществе сложился своеобразный замкнутый круг. Власть, чиновничий аппарат часто игнорирует интересы и права граждан. Значительная часть общества отвечает власти той же монетой, стремясь обходить стороной легальные и легитимные способы решения своих насущных проблем и свести общение с государственными органами к минимуму, обращаясь к ним только тогда, когда нет иных способов решения» (4, с. 102).

¹⁸ По социологическим данным 2008 г., на вопрос, способна ли административная система эффективно оказывать услуги обществу и отдельным гражданам, 18,9% респондентов ответили «в основном способна», а 59,6% дали отрицательный ответ (см.: 45, с. 21).

¹⁹ С.П. Перегудов еще в 1994 г. писал о феномене бюрократического корпоративизма (32). Сейчас исследователи говорят о «криминально-клановом государстве», напоминающем «институциональную анархию» (30, с. 129). Расхожим стал тезис об административно-социальной неэффективности российского государства (см., напр.: 3).

«Дворец» как «сословие»

«Дворцовое» государство – не институты и процедуры (вся административно-управленческая система) и даже не бюрократический слой (при всей его влиятельности и представительности²⁰). «Дворец» – это форма (или организация), в которую отлилась постсоветская «цивилизация верхов», старые и новые господствующие группы, обособившиеся от населения в привилегированное «сословие» (1,5–2% населения²¹). Государственные интересы сейчас в основном редуцированы к интересам его представителей, т.е. «дворцового сообщества».

Конечно, фактически «Дворец» – это более широкая социальная среда. Ее составляет не только «дворцовое сообщество», но и тяготеющая к нему и его *обслуживающая прослойка*. Если принять для описания современного российского государства метафору «государства–корпорации», «сословие» следует рассматривать в качестве аналога узкого круга ее собственников и руководителей («работодателей»). Так как корпоративные интересы сведены в основном к интересам этого круга, можно говорить о торжестве в наших условиях «олигархического корпоративизма». Функции «персонала» («корпорации работников») выполняет прослойка «обслуги». При этом только «работодатели» обладают признаками «сословности»: четко осознают свои интересы, противопоставляют их всему обществу и нацелены на сохранение и дальнейшее наращивание социального влияния²². Но самое главное: *ощущают себя не в структуре социума, а над ним*. К этому мировоззрению тяготеют и «ра-

²⁰ «По данным Федеральной службы государственной статистики, только общая численность гражданских государственных служащих на начало 2005 г. составила 1 млн. 316 тыс. человек. И это не считая армии «обслуживающего» персонала, которая заметно превосходит численность самих чиновников. Для сравнения – в 1990 г. в СССР общее число бюрократов насчитывало 663 тыс. человек, а их «привилегии» были гораздо скромнее по сравнению с теми возможностями, которыми располагает нынешнее чиновничество» (4, с. 90). По другим данным, численность российского чиновничества с 1991 по 2007 год выросла почти вдвое – с 950 тыс. до 1,75 млн. человек, а содержание госмашин обходится стране в треть ее бюджетных расходов или почти в 10% ВВП (16, с. 64). Замечу, что и население СССР было многочисленнее российского, что меняет соотношение чиновного и нечиновного элементов; в результате увеличивается непроизводительная нагрузка на социальную среду.

²¹ Это слово, от которого отдает архаикой, так и просится в лексикон нашего постмодерного времени. Оно лучше всего подходит для характеристики высшего слоя российского общества – владельцев-распорядителей власти/собственности. Все они, конечно, вышли из народа, но уже перестали им быть. Они создали особый мир, закрытый, непроницаемый, живущий по своим правилам, – вне массы народонаселения, но за ее счет. Потому что их цель – вобрать в себя все ресурсы и возможности, отпущенные этому социуму. Количественные данные о «сословии» см.: 24, с. 77; 18, с. 77. Один из главных признаков «сословия» – богатство. По социологическим замерам, разрыв в душевых доходах между богатыми и обездоленными слоями российского населения – 30-кратный и даже больше (12, с. 12). Категория богатых и сверхбогатых стремительно растет: в 2007 г. в России было 60 миллиардеров (в 1997 г. – всего 6, в 2005 г. – 36) и более 500 тыс. миллионеров. И это только по официальным данным, – в действительности их гораздо больше (5, с. 135). Доходы бедных растут в три раза медленнее, чем богатых. В 2006 г., по данным Института экономики РАН, доходы половины граждан страны снизились или остались на прежнем уровне, а практически весь рост (11%) пришелся на высокодоходные группы.

²² Очевидно, что это не только бюрократия и не вся бюрократия. Тем не менее, постсоветское перерождение государства принято связывать только с эволюцией бюрократии: по мнению исследователей, она «использует рычаги государства для достижения сугубо партикулярных (групповых) задач, целей в противовес общегосударственным» (8, с. 35). Основываясь на данных социологических опросов, исследователи говорят о феномене сформировавшегося «классового сознания» бюрократии как особой социальной группы (см., напр.: 4, с. 100–101). На мой взгляд, точнее было бы говорить о *корпоративной (или, скорее, кланово-групповой) солидарности*, учитывая, что она ограничена иерархичностью устройства этой «корпорации» и различием потребительских возможностей ее разных «эшелонов». Чиновничество среднего и нижнего уровней относится, скорее, к прослойке между «высшим сословием» и остальным населением. При этом ментально в основном «совпадает» с «патронами» и действует *по единой «дворцовой» схеме: всё – только для себя*.

ботники», стремящиеся укрепить связи с «Дворцом» и как можно дальше оторваться от массы²³. При этом свои отношения с ней строят по «дворцовым» принципам.

«Верхи» современного российского общества – уже не элита «условного держания» (на время «службы»), как советская, а элита «наследственного владения», перераспределившая в свою пользу «общенародную собственность». Это *закрытое сословно-статусное сообщество*, «сбродное» по составу. В нем смешались выжившие кланы «фамильных людей», т.е. советской номенклатуры; «новики» («новые худые люди»), «случайно выплывшие наверх» в «смутные» времена, – «новые русские», разрушившие номенклатурный порядок и давшие язык, «прикид», организацию правящему слою (среди них – «народные избранники», бизнесмены, государственники и интеллигенты нового типа); повязанные с первыми и вторыми советские «теневики» и верхушка советско-постсоветского криминала – создатели «финансового рынка», «серых» бизнес-схем, особой «деловой» культуры, силовой фактор российской экономики; новая «культурная элита» – духовные «генералы», творцы и властители «маскультовых дум» (зрения/слуха), мастера высокого искусства, спорта, авторитеты медицины, образования, даже науки и проч.

У представителей этого «сословия» высокие потребительские запросы, постоянно растущие аппетиты, удовлетворяемые в разных социальных сферах. Одни хотят больше власти, другие – больше денег (показательно, что Москва, где находится «дворцовая Ставка»²⁴, заняла при Путине–Медведеве второе место в мире по числу миллиардеров, а само это число в последние годы едва ли не удвоилось); одни нацелены на самую престижную в мире собственность, другие собирают русское/советское/современное (или какое-то другое) искусство; одни ведут борьбу за души, другие – за бюджет и месторождения, за право «постмодернизировать» реальность или «поддавать» в нее оптимизм, быть «в экране», светской хронике, международных новостях и т.д. И все получают желаемое, чтобы потом хотеть большего.

Собственно, всему «сословию» (а не только высшему чиновничеству) можно адресовать определение В.В. Путина – «надменная каста». Это «сословие» счастливых, «субъективных материалистов»-победителей, вполне удовлетворенных своим положением, профессиональной и жизненной успешностью и через эту (счастливую) призму воспринимающих внешний (для них) мир. «Корпорация победителей» обременена жаждой большого (чтобы «грохнул» на весь мир) успеха, желанием побеждать. Именно это (и ничто другое) – двигатель модернизационных проектов, причина государственных вложений в разного рода победы страны (внешнеполитические, спортивные, исторические и др.). Национальные успехи (если они случаются) рассматриваются как «дворцовые» (корпоративные) победы, служащие самоутверждению «Дворца». В то же время любой «нац-успех» «работает» на его легитимацию, оптимизируя социальный фон и заглушая (шумом: «Ура, Россия!») ропот недовольных «надменностью» «сословия» и «сословностью» социума.

Главный принцип жизни «сословия» – устроиться в стране как за границей, в обеспеченном, комфортном, безопасном евроатлантическом мире. (При этом, конечно, устроиться и за границей – лучше заграничных.) Причем жить так в стране должны только они, – высокий социальный статус поддерживается ощущением избранности. «Дворец» явился вслед-

²³ Показательно, что именно эти, самые благополучные в материальном отношении, группы в социологических опросах демонстрируют наибольшую лояльность по отношению к государству, власти и госслужащим (4, с. 93).

²⁴ Кстати, одно из главных противоречий Дворца, в том, что Москва, являясь политическим центром государства, не стала центром обширного хозяйства «самодержца» (как центром частной вотчины являлся хозяйский двор). Это показатель трансформации природы «Дворца»: страна–территория уже не является больше монопольным владением персонификатора верховной власти. Москва, имеющая некоторые черты большой усадьбы, не есть исключительно «княжеско-царское» хозяйство. – В ней «работают» разные «хозяйствующие субъекты». Кстати, результаты хозяйствования одного из субъектов (не моно-, но все же) в июне 2010 г. зафиксировал журнал Forbes: в рейтинге богатейших бизнес-вумен мира третье место с состоянием в \$ 2,9 млрд, заняла Е. Батурина.

ствие торжества «сословного» эгоизма, игнорирования «сословием» интересов большинства. Разрыв «русского мира» на победителей и проигравших – во всеобщей схватке за «доходное место» – вот основной итог постсоветского транзита²⁵. И в этом смысле, выйдя на рубеже 80–90-х из точки «А», мы не вернулись к прежнему, а явно попали в какую-то другую точку.

Вопрос о собственности: «кормящееся» государство

Оформление «дворцового» государства непосредственно связано с решением вопроса о собственности. На переходе от советской эпохи к постсоветской «общенародная» (или государственная) собственность была превращена в ограниченно-коллективное («дворцовое») доходное владение. Владельцы и составили «Дворец». Они живут переделом и эксплуатацией «дворцовых» владений.

Интересы «Дворца» по существу «сословны»: он создан для управления «сословной» собственностью. К «сословным» владениям относятся как старые (советские, прежде всего ресурсные: топливно-энергетическая, золото-алмаз-ная, а также химико-металлургическая, военно-промышленная), так и новые доходные отрасли: банковско-финансовая система, сфера обслуживания, информсфера (компьютерные сети, мобильная связь и др.). «Дворцовая» экономика и есть современная российская экономика; только то, что в ней работает, принося прибыль, и имеет будущее. Она предельно и очень своеобразным образом интернационализована²⁶.

«Дворец» – структура по преимуществу властесобственническая, направленная на перераспределение львиной доли общественного продукта в пользу господствующих групп. Главное назначение «дворцовой» экономики – обогащение; она нацелена не на всемерное умножение ресурсов страны, а на рост индивидуальных и коллективных доходов «дворцовых» акторов. И в рамках этих задач «Дворец» достаточно эффективен. От населения, живущего за пределами замкнутого «дворцового» мирка («не-Дворца»), требуется лишь определенная сумма «налога». Можно сказать, что политическая власть в рамках «Дворца» в основном понимается как привилегия – право «налагать дань». При этом плательщикам «дани» не указывают, как им жить, – они являются вольноотпущенными людьми. В этом принципиальная новизна постсоветской системы.

Тотальное (советское «общенародное», ставшее в новых условиях «избыточным») государство ужалось до пределов «дворцового» хозяйства, управляемого на основе – вновь скажу метафорически – «владельческого» (частного, а не публичного) права²⁷. Частный ха-

²⁵ Именно здесь проходит фундаментальная «линия напряжения» в российском обществе. Как показывают социологические данные, к числу основных межгрупповых противоречий россияне относят противоречия между богатыми и бедными (его отмечают 63,4% опрошенных), между олигархами и остальным обществом (39,1%), между чиновниками и рядовыми гражданами (34,9%) (4, с. 96). Достаточно очевидно, что все эти оппозиции могут быть сведены в одну: богатые, олигархи, чиновники(победители)/бедные, остальное общество, рядовые граждане (проигравшие). Причем, социальную успешность меряют соответствием ближайшим богатым и властным, а также обобщенному массмедийному образу «победителя», сконструированному в 2000-е.

²⁶ Вот некоторые данные на этот счет: «По состоянию на начало 2010 г., Россия – единственное из постсоветских государств, инвестиции которого за рубеж практически равны накопленным иностранным инвестициям внутри страны, а с учетом неофициально выведенных денег превышают последние как минимум вдвое; даже сейчас инвестиции КНР за рубежом меньше накопленных в китайской экономике иностранных инвестиций в 16 раз. Около 56% российского ВВП создается в компаниях, которыми владеют собственники, зарегистрированные в офшорных юрисдикциях; этот показатель соизмерим с данными по самым неблагоприятным странам Африки» (17, с. 13–14).

²⁷ Используя термин «владельческое» право, я понимаю, что он в той же мере условен и метафоричен, что и «сословие», «дворцовое государство». Повторю, речь не идет о прямом заимствовании понятий из прошлого и смешении разных эпох в некую вневременную реальность. Обращение к «историческому словарю» было необходимо, чтобы указать на сущностное сходство некоторых явлений настоящего времени с прошедшим и несовременность этого настоящего. В том смысле, что оно явно не согласуется с евроамериканским настоящим,

рактический характер «дворцового» владения, организованного *по «путям»*, пришел в противоречие со всеобщим характером государства. Управление за пределами «дворцово-вотчинного» хозяйства сведено до минимума – постольку, поскольку существует необходимость отправлять определенные публичные функции. Поэтому все внешние коммуникации «Дворца» приобретают, скорее, частный (хозяйственный), чем публичный (т.е. собственно политический в классическом понимании) характер.

С этим связан и «владельческий» подход к политической власти; *«владельческое» мировоззрение* пронизывает сейчас все ее институты. Современные «элиты» не различают политические и экономические интересы; точнее, делают акцент на вторых. Этим объясняется и подавление публичной сферы; она сведена к одной из функций «Дворца», к области «дворцового обслуживания». Народонаселение понимается «Дворцом» как объект политической власти, а не субъект политических прав. (Справедливости ради следует признать, что оно и само себя так понимает.) И именно в этом качестве – объекта – оно и используется «Дворцом».

Административная деятельность все больше походит на *«кормление»* с доходов от выделенного «участка» («наказа», «пути») «дворцового» хозяйства. Каждый администратор – «сам себе» частный «теневой» предприниматель (взятки, «откаты», «разборки» и т.п. – его ежедневная «деловая» жизнь). При этом включен в систему легальной (собственно социально-управленческой) деятельности. Каждый «дворцовый» актер ведет такую же двойную жизнь; причем, легально-процедурная – только оболочка («прикрытие») подлинной, неформально-теневой, покрытой бизнес-тайной. В целом «Дворец» противоречит современным политико-правовым представлениям, в соответствии с которыми имущество и права государства имеют публичный характер и не могут являться ничьей вотчиной.

«Дворец» как случай государственно-монополистического капитализма

В момент разрушения советского мира речь шла о выводе из-под контроля государства всех сфер, о возбуждении и полном раскрытии хозяйственной активности граждан. Однако цивилизованного «размежевания» государства и общества в экономической жизни не произошло. Напротив, социально-экономические интересы заставили эффективные государственные и общественные элементы слиться в «Дворец», подчиненный уже не воле первого лица, а хозяйственным интересам всего «сословия».

«Дворец» обслуживает интересы «высшего сословия» за счет собственности и ресурсов, находящихся в распоряжении государства или переданных им в распоряжение других экономических «актеров» (финансово-промышленных групп/кланов с разной степенью самостоятельности). Последние вносят установленную плату за пользование «участками» дворцовых владений. Причем, пользование монопольное – это соответствует «владельческой» природе «Дворца». В рамках «Дворца» слиты госмонополии/госкорпорации и монополии различных форм смешанной собственности с участием государства²⁸. (Это не только биз-

куда мы себя упорно относим. Это темпоральное несовпадение объясняется не отставанием (а, значит, непреодолимо бегом вдогонку), а действием каких-то важных социокультурных механизмов.

²⁸ Вот только один пример: на долю четырех нефтяных компаний – ТНК-ВР, «Газпром нефть», «Роснефть» и «ЛУКОЙЛа» – приходится 73,44% российского рынка бензина и 80% авиационного керосина. Приоритеты наших монополистов известны: прибыль всё, отечественные потребители – ничто. Новые примеры действия этой стратегии дал экономический кризис. По оценке Федеральной монопольной службы (ФАС), цена на бензин в мире с середины лета по октябрь 2008 г. упала на 15–20%, а в России практически не изменилась. В 2008 г. В. Путин дал ФАСу команду «фас!»: возмущившись взлетом цен на авиационный керосин, приказал «наконец проснуться и активно исполнять свои функции». ФАС начал судебные тяжбы с нефтяниками и добился определенных успехов. Общий размер претензий ФАС к нефтяным монополиям превышал 26 млрд. руб. Но 8 июня 2010 г. на коллегии ФАС первый вице-премьер И. Шувалов фактически отменил старый приказ. Назвав естественные монополии «крупными движущими силами» экономики, призвал ФАС бороться с нарушениями на рынке, а не с самими компаниями. Посыл был принят адекватно (см.: 15, с. 34–35). Общую

нес-структуры, но и медиа, спортивные, культурные и т.п. институции.) В целом правовой статус монополий не ясен, что открывает простор произволу, манипуляциям и т.п. действиям, не регулирующимся правом. Монополии, пришедшие на смену советским ведомствам, позволили структурировать сложное экономическое пространство. В то же время господство монополий приводит к диспропорциям в экономике, ее дезинтеграции. Но *правительство/государство* не борется с монополистами и др. капиталистами потому, что оно и *есть монополист/капиталист – не единственный, но один из главных*²⁹.

Здесь следует отметить: «Дворец» – это, прежде всего, неформальные связи, личные отношения³⁰. Именно эти сети стали основой, на которой сформировался «Дворец»; неформально-непубличный тип управленческой деятельности, вообще ведения дел способствовал *воспроизводству советских клановости и патрон-клиентельных отношений в новых, постсоветских условиях*. Постсоветские кланы и клиентелы, связанные деловыми и личными отношениями, «зачастую опираются на государственные корпорации или отдельные ведомства и соперничают между собой в борьбе за распоряжение ресурсами» (45, с. 16). Патрон-клиентельные, клановые сети имеют и пространственное измерение: они не укладываются в простейшую дихотомию «центр-регионы»; в качестве «дворцовых» акторов выступают «вертикально интегрированные» группы интересов и группы давления, включающие участников как федерального, так и регионального уровней (представителей органов власти, финансово-стратегию наших монополистов очень точно определил венгерский социолог П. Тамаш: *национальные нефтяные, газовые, торгующие алмазами и т.д. фирмы функционируют не как отечественные капиталисты, а по логике межнационального концерна, занимающегося добычей сырья в чужой стране*) (42, с. 120. Выделено мною. – И.Г.). Этой же логикой руководствуется весь «Дворец», в том числе правительство как «дворцовый» актор. Правда, стратегия его продвижения основана на сокрытии такой логики – ведь оно все-таки правительство.

²⁹ Государство не превращается, как бывает на Западе, в инструмент проведения интересов крупных корпораций (правда, в условиях их конкуренции между собой). У нас *государство само стало такой корпорацией*. По оценкам экономистов, «будучи регулятором рынка, государство одновременно является, в том числе из-за гипертрофированной системы госмонополий и госкорпораций, активным его игроком, что создает на нем совершенно нездоровую обстановку, в которой фактически игнорируются подлинные нужды и не только потребителей, но и огромного числа производителей разного рода благ» (46, с. 111). Ярчайший пример: «продолжается активный вывоз за рубеж зерна, молока, сыра, хотя значительная часть той же товарной номенклатуры встречным потоком импортируется, почему и внутренние цены на них продолжают расти – при тревожном... падении доходов и потребления граждан».

Для оценки эффективности «дворцовых» монополистов важен такой факт: «к 2008 г. корпоративный внешний долг российской экономики достиг 500 млрд. долл. (против 30 млрд. к началу кризиса 1998 г.)... Даже «Газпром имеет долгов чуть ли не на 50 млрд. долл.» (34, с. 92). По оценкам специалистов, «внешний корпоративный долг составляет в настоящее время около 32% ВВП России, тогда как доля внешнего государственного долга составляет около 4% ВВП. Уровень совокупного внешнего долга составляет около 36% ВВП, а его объем осенью 2008 г. оказался сопоставим с величиной официальных валютных резервов Центрального банка РФ. Преобладающая часть внешнего корпоративного долга сформирована государственными корпорациями за 2005–2008 гг. В числе этих корпораций «Роснефть», «Газпром», «Русал», «Лукойл», «РЖД», «Норильский никель» и др. Поэтому этот долг является, по существу, *превращенной формой внешнего государственного долга РФ*, обслуживание которого в условиях глобального кризиса эти корпорации не смогли бы осуществить без финансовой помощи правительства и ЦБ» (2, с. 27). Фактически *внешний долг стал не государственным, а «дворцовым»* («сословным»), но расплачиваться за «Дворец» будет то, что мы называем государством (из бюджета, резервов и т.п.).

³⁰ В этой «сетевой» среде и решается все в стране – «дворцовые» вопросы, общесоциальные проблемы. Только в этом смысле можно принять положение С. Кордонского: представители «титового сословия», «оказывая друг другу услуги даже в пределах должностной компетенции, связываются в прочнейшую и невидимую сеть неформальных связей административного рынка, которая по факту и представляет наше гражданское общество. Существует множество институтов этого гражданского общества, таких как совместная охота, рыбалка, ресторан, баня или «открытый дом для своих»... Это общество... единственная реальность, так как любые ведомственные интересы и амбиции, планы государственного развития, инновационные проекты и бизнесы должны быть в первую очередь согласованы – «протерты» в банях, ресторанах, на рыбалке или охоте. Иначе их ждет печальная судьба» (21, с. 138, 139)

промышленных групп, политических партий и движений, СМИ) в формате политико-финансовых кланов» (9, с.171). «Клановость» же соответствует «дополитическому» состоянию власти, когда она *еще* не способна выразить общий (публичный) интерес, а «политика» сводится к примитивной борьбе кланов за ресурсы (30, с. 129. – Выделено мною – И.Г.). Видимо, это состояние у нас устойчиво воспроизводится. Точнее, речь идет об *определенном типе самоорганизации «высшего класса» поздне- и послесоветского времени*. Поэтому сущность власти следует определять как *неполитическую*; она *вообще* не способна выразить общий интерес.

Постсоветский «Дворец» – это еще и институты; государственные учреждения его организуют, структурируют, придавая ему современную форму. В то же время государственные структуры (в том числе выборные, соответствующие демократической современности) суть крупнейшие экономические предприятия – прежде всего, по освоению бюджетных денег. (Вообще, высшее «сословие» так или иначе связано с бюджетом: им управляет и/или пользуется. Иначе говоря, имеет *административно-экономическую подоснову*.) В них встроены лоббистские сети; многие их связи – как внутренние, так и внешние – не вполне законны или вовсе нелегалы. То есть речь идет о фактическом *удвоении неправовой среды*: неформальные сети накладываются на неформальную активность институтов.

Собственно, в случае «Дворца» мы имеем дело с государственно-моно-полистическим капитализмом, лишенным, однако, главного измерения капитализма – свободной конкуренции на правовой основе. Видимо, наш бизнес с такой нагрузкой не справляется; свобода экономической деятельности вызывает у него, скорее, опасения (неопределенность и риски оцениваются как слишком высокие). Свобода предполагает поиск самим бизнесом продуктивного варианта взаимного сотрудничества в рамках существующего права. У нас же нет традиций такого взаимодействия; зато в советские времена сложилась привычка работать в «тени» и под покровительством (защитой/«крышей»). А это требует больших денег; поэтому в теневой экономике, большая часть которой связана с уклонением от налогов, хорошо себя чувствуют только крупные компании (см. об этом, напр.: 6, с. 23–67). В силу этих причин и склонности к монополизации доступного пространства наш большой и очень большой бизнес (а это, собственно, и есть русский бизнес) соглашается на ограничение своей свободы – «сверху».

С нагрузкой свободы/конкуренции не справляется и правительство/государство: для него наиболее естественно подавление плюральности как в экономике, так и в политике. Правительство разрешает или организует конкуренцию (можно говорить об *«управляемой конкуренции»*), сохраняя при этом «монополизм» как основополагающий принцип функционирования «Дворца». Тем самым, кстати, придает конкуренции по-русски более или менее цивилизованный вид, минимизируя применение насилия внутри бизнес-сообщества. Репрессивно-контрольная функция в целом принадлежит государству. Но главная задача правительства как «дворцового» актора состоит не в регулировании таким образом экономики и социальных отношений, а в получении прибыли от процесса «управления конкуренцией».

В целом наши бизнес-гиганты не только симулируют конкуренцию (хотя внутри страны большей частью происходит именно так³¹), но и участвуют в реальной конкурентной борьбе –

³¹ В рамках симулятивной конкуренции у монополистов рождаются странные (но только на первый взгляд) инициативы. Вот один – но яркий – пример. На всероссийском совещании Федеральной службы по тарифам 1 апреля 2010 г. глава РЖД Владимир Якунин пожаловался, что железнодорожный и автомобильный транспорт находятся в неравных конкурентных условиях. Чтобы ликвидировать преимущество последнего, он предложил сделать автодороги платными. В железнодорожный тариф, по его словам, включена «инфраструктурная составляющая», то есть плата за поддержание и развитие железнодорожной сети. «Возникает вопрос, почему такой платы нет для пользователей услуг автомобильного транспорта, – возмущался Якунин. – У нас дороги бесплатные, и с конкуренцией с железнодорожным транспортом порядок нужно наводить» (27, с. 24). Это обращение («челобитье») одного из конкурирующих между собой «дворцовых» монополистов к верховному арбитру – правительству: даешь «добро» на максимизацию прибыли? Оно в очередной раз подтверждает

прежде всего на международной арене. Однако в любом случае главным конкурентным преимуществом крупнейшего российского бизнеса оказывается принадлежность к «Дворцу», гарантирующая разного рода «дворцовые помощи». Последнее тому подтверждение – экономический кризис, когда выживание «равноудаленных» корпораций было обеспечено правительством³². «Дворец» помог «Дворцу».

В определенном смысле «Дворец» можно считать корпорацией, так как он преследует не общественные цели (не работает на «народное благо»), а собственные экономические выгоды. «Дворец» проявляет явный интерес к «зарабатыванию денег», действуя на внутреннем и внешнем рынках в качестве экономического игрока. При этом нацелен на минимизацию издержек (т.е. общесоциальных программ развития) и максимизацию прибыли, львиная доля которой распределяется в пределах «Дворца» же. То есть функционирует по законам частнокапиталистического предприятия. Однако природа «Дворца» прямо противоположна капиталистической: она – «владельческая», предполагающая монопольную эксплуатацию, а не собственническая, т.е. плюралистическая, конкурентная, договорная и открытая. Корпорация явилась у нас в совершенно ином историческом контексте и привела к другим, чем в исходных условиях, результатам. Перенесение на советское государство корпоративных методов управления (иначе говоря, модернизация государства за счет заимствования новейших технологий) активизировало его «дворцовую» природу, спровоцировав явление «Дворца».

«Дворцовая» система против общества и против субъектности «дворцовых»

В основе «Дворца» лежат две «неправильности», придающие ему некую изначальную ущербность. Первая («большая») является «неправильностью» с общесоциальной точки зрения: «дворцовые» владения попали в распоряжение (управление) формально негосударственных и частных хозяйствующих субъектов не в результате открытой конкуренции, помимо и в отрицание любых правовых норм. Фактически они были распределены между «своими» («номенклатурными» и «деловыми») и/или захвачены, присвоены, что исключает соблюдение принципа социального партнерства (и в настоящем, и в будущем).

Вопрос о собственности был решен традиционным (т.е. неправовым и примитивным) способом: «общенародное достояние» заняли как никому не принадлежащее (пустое) пространство (напомню: занятие «пустошей» долго было господствующим способом приобрете-

заинтересованность «Дворца» лишь в собственных доходах. При этом, заметим, «если в мире расходы на транспортировку в экспортной цене товара составляют в среднем не более 7–8%, то в России, из-за монопольного положения... РЖД, – все 30–40%» (46, с. 111). Такова же логика других «дворцовых» акторов: «Газпром», например, «затекает все новые экспортные проекты, хотя совершенно ясно, что собственную промышленность и ЖКХ ожидает скорый и острый дефицит газа, не говоря уже о позорной для нас статистике негазифицированности домашних хозяйств» (Там же). Российские энергетические монополии провоцируют (требуют) выравнивания внутренних и мировых цен на энергоносители (17, с. 17). И т.п.

³² Основные средства антикризисной программы были направлены на поддержку банковской системы (более 1355 млрд.) и государственных или окологосударственных компаний типа ОАО РЖД или АвтоВАЗа (776 млрд.). При этом на усиление социальной защиты и борьбу с безработицей в 2009 г. намечалось выделить около 500 млрд. руб. (44, с. 69). Правительство рассматривало и персональные дела: с его помощью главный неудачник кризиса О. Дерипаска вышел из него, не потеряв ни одного ключевого актива. Особый интерес представляют следующие данные: «Если в 1998 г. часть издержек по стабилизации экономики после кризиса была профинансирована негосударственным сектором, то в 2008–2009 гг. это бремя в основном принял на себя государственный сектор, чьи денежно-кредитные издержки, а также бюджетные и квазибюджетные расходы значительно возросли. При этом непосредственные бюджетные затраты на антикризисные меры оцениваются всего лишь на уровне 0,58% ВВП России 2007 г., тогда как доля квазифискальных издержек стабилизации экономики может составить около 14,7% от его объема... В результате возрастает степень неопределенности возможных эффектов от принятых мер, а уровень прозрачности (транспарентности) бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики государства уменьшается» (2, с. 25). Собственно, речь идет о том, что выход «негосударственного сектора» из кризиса в «государственные 2000-е» был обеспечен «дворцовым» государством за счет бюджета, в отличие от «олигархических» 90-х.

ния земельной собственности на Руси). Это означает, что «дворцовые» субъекты не признавали (и не признают сейчас) за населением («не-Дворцом») право осуществлять контроль над производительным богатством страны. А, значит, постсоветский строй изначально не был нацелен на формирование общества. – Перераспределение в 1990–2000-е годы советской собственности предполагало появление привилегированного владельческого «сословия», распоряжающегося материальными ресурсами страны, но не обеспеченного в полной мере правовой, «моральной» легитимностью, общественным с ним согласием.

Другая («малая») «неправильность» вредит в основном «Дворцу», ограничивая его возможности, т.е. имеет узкосоциальное измерение. Особое своеобразие «дворцовому» типу хозяйствования придает то, что его определяющая черта – временность, условность: формально временной является политическая власть, фактически условна власть экономическая – отказ от участия в «дворцовой» системе или нарушение правил «дворцовой игры» могут повлечь наказание, т.е. запрет хозяйствовать. А потому характер «дворцового» владения близок к условному (поместному) держанию – только не земли, а имущества и ресурсов. *Безусловно до сих пор только владение личным имуществом; собственнические права в любой момент могут быть оспорены.* Не случайно «дворцовые» акторы просто заиклены на преумножении имущества, переводе средств, полученных от эксплуатации «дворцовых владений», в особняки, драгоценности, яхты и т.п. Показательно, как мутирует под влиянием ограничения прав владения определенным сроком владельческая психология верховной власти: идея государства воспринимается ею даже не сквозь «вотчинную», а через «поместную» призму. Все это сформировало «в верхах» *своеобразное «поместное умонастроение»*, окончательно вытеснившее представления об общем интересе, национальном благе. «Дворец» живет ограниченными, краткосрочными целями – погоней за сверхприбылями, хищнической («до истощения») эксплуатацией «дворцовых владений», громкими внутри- и внешнеполитическими PR-акциями.

«Сословие», представители которого не желали быть только распорядителями (временными держателями), с момента своего появления боролось за собственнические права. В 1990-е годы оно их добилось, следствием чего (среди прочего) стало *стирание грани между государственными и негосударственными (коммерческими) структурами*. Баланс сместился в сторону последних, как бы «пожиравших» государство³³. Но тогда же выяснилось, что для самореализации (*прежде всего, вне страны*) и защиты от страны («не-Дворца») «сословию» крупнейших собственников все-таки необходим какой-то вариант государства. Выбор был сделан в пользу «Дворца», в рамках которого примиряются «сословные» и национальные противоречия, бизнесмены становятся государственниками, а бюрократия коммерциализируется. То есть образуется *mixt*, единая социальная среда, «повязанная» одной целью – «обогащение».

Однако создание «Дворца» потребовало от «новых собственников» жертвы – нужно было поделиться собственностью с новым государством. Наверное, процесс *частичной деприватизации/национализации (а, по существу, второго «большого передела»)* начала 2000-х, сопровождавшийся перераспределением денежных потоков в пользу «новых государственных», выделением им доли «дворцового имущества», прошел нелегко. Достижению «консенсуса» помогло то, что договаривались советские (по генетике, ментальности, инстинктам, навыкам) люди, приученные в позднесоветские времена, пользуясь государством, мыслить в категориях «большой государственности». Сработало и старое политическое мышление, «заквашенное» на страхе и привычке подчиняться власти/государству. Наконец, делились «ста-

³³ Об интеграции институтов власти (прежде всего высших) и крупных корпоративных структур (как и о действии тенденции к «сверх-(супер)-корпоративизму» в экономике) см.: 31, 36. Процесс «олигархической минимизации» государства был по существу, как показывает Ю.С. Пивоваров, *переделом/дележом: «предметом передела стало государство»*. То, что выглядит как восстановление государства 2000-х, является следующим этапом передела (см.: 33, с. 58–61).

рые» собственники тем, что «урвали» и присвоили в 90-е, а не наследовали по праву и не создали как «пионеры»-первооткрыватели. Легко пришло – не задержалось.

Итогом «передела»/«сговора» «нулевых» явилось не только то, что персонификаторы государства получили свой экономический плацдарм, а государство стало новым мощным коллективным бизнес-игроком, членом мирового бизнес-сообщества. В результате такого усиления государства произошло окончательное слияние государственной идеи с частным экономическим интересом, сращивание государственников с «олигархами» (в единый светский бизнес-культурно-политический бомонд), т.е. окончательное оформление постсоветского «Дворца»³⁴.

Хотя внешне ситуация, наверное, и выглядит так, как ее описывает значительная часть исследователей: «На рубеже 90-х годов Россия столкнулась с проблемой институциональной бессубъектности, общество атомизировалось... Институты власти оказались оторваны от социальной базы, перестали быть носителями и выразителями общественных интересов, быстрыми темпами стали расти коррупция и взяточничество. Произошло сращивание высшей государственной бюрократии и крупного капитала. В этих условиях центральная власть сделала ставку на государственную бюрократию как потенциального носителя новой национальной субъектности, противостоящего как бизнес-группировкам, так и политической элите. В рамках избранной стратегии начала проводиться административная реформа... То есть была поставлена задача связать единым административным механизмом разрозненные бюрократические группы, как федеральные, так и региональные, ослабить давление на них со стороны бизнес-групп, региональных властей, криминальных структур» (4, с. 89). Этот подход акцентирует идею «возвращения» государства. Оно действительно расширило контроль над различными сферами общественно-политической, экономической и др. деятельности, но постольку, поскольку было нужно этому государству. Бюрократическая централизация 2000-х вовсе не предполагала восстановление социальной и национально-консолидирующей роли государства. Точнее, эта роль восстановилась настолько, насколько потребовалось для выживания и реализации «Дворца».

Включенность в «дворцовые» коммуникации, имеющие по преимуществу коррупционную природу, не позволяет крупным собственникам быть собственниками в полной мере (безусловными и независимыми – от «Дворца» – коммерческими субъектами). Как не дает стать и независимыми политиками; отказ от претензий на самостоятельную политическую роль – их плата за относительную свободу предпринимательства. В результате устранения большого бизнеса политика лишилась конкурентного измерения, отличавшего ее в 1990-е³⁵.

³⁴ В рамках «Дворца» действуют тенденции и к национализации, и к приватизации. Правда, первоначальный смысл этих явлений меняется: речь и в том и в другом случае идет о переделах «дворцового» хозяйства. На последние годы пришелся процесс очередной приватизации. Так, в ходе реформы РАО ЕЭС (последнее «дело» А. Чубайса) появились новые частные владельцы энергоактивов. И хотя с эффективностью у них не все в порядке, о чем заявил персонификатор государства В. Путин на совещании по энергетике в конце февраля 2010 г. (см.: 49, с. 8), они будут хозяйствовать.

³⁵ В середине 1990-х речь шла о «семибанкирщине», на рубеже 1990–2000-х крупнейшие коммерческие структуры (напр., «Медиа-Мост») фактически играли роль (подменяли) политической оппозиции. Это не было просто политизацией бизнеса; монополистический капитал, стремясь к монополизации и политики, превратился в ведущего политического игрока. Политика приобрела отчетливо выраженное бизнес-измерение, превратилась в коммерческое предприятие; это качество сохранила и в 2000-е (Это фиксируют исследователи. См., напр.: 37, с. 72). Беда в том, что каждый бизнес-игрок отстаивал в политике только свои (а не общегрупповые, национальные) интересы, действуя неправовыми методами. В отсутствие корпоративной солидарности и механизмов защиты/представительства интересов бизнеса и в опоре на народ (постсоветское агрессивно-послушное большинство) власти легко было разобраться с «заигравшимися», «засветившимися» (известными «в лицо») «олигархами», скупив лояльность остальных, менее «буйных». В ходе путинской «административной революции» зеркально поменялась диспозиция: выбив бизнес из политики и сведя ее до «теневых» технологий и управления «дворцовой» репутацией, административные элиты стали активными бизнес-игроками. Понятно, что возвращение субъектности бизнеса (как и возвращение государства к административно-социальным ролям) возможно только на пути восстановления публичной политики (в т.ч.

Ею завладели «административные элиты»; политика превратилась в отрасль администрирования. А верхушка группировок финансово-промышленного капитала была интегрирована в систему бюрократического управления, «их экономические интересы внутри страны и за ее пределами стали частью государственных (точнее, «дворцовых» – И.Г.) интересов»³⁶.

В рамках «Дворца» не свободна и бюрократия: чиновник не может быть просто эффективным менеджером, – он должен участвовать в коммерческой деятельности «по-дворцовому». Так работает система; в ней *не могут возникнуть* независимые собственники, управленцы, художники, вообще самостоятельные социальные силы, – только «сословие», организованное статусно-иерархически и тяготеющее к «закрытию» в особый мир, живущий по своим законам в стороне от остального населения. Расширяя права и свободы «сословия», «Дворец» парадоксальным образом «гасит» его субъектность. Характерно, что к «сословию» неприменима такая характеристика, как гражданственность. В этой среде нет предпосылок для роста «я-субкультуры» в либерально-западном смысле слова. – Их «съедает» бесконтрольный и безграничный «субъективный материализм», разрывающий «сословие» на соперничающие кланы (прежде всего, по принадлежности к ведомствам – административным и коммерческим). Они сбиваются в «Дворец» только потому, что не выживут поодиночке. Это вынужденный «корпоративизм» без солидарности, открытой состязательности, инновационности (примитивный или «корпоративизм простейших»).

Следует отметить, что в рамках «Дворца» все же сохраняется напряженность по линии «формальный государственный» (государство) – «формальный бизнесмен» (бизнес). Это одно из правил «дворцовой» игры, условие «дворцового» существования. Размежевание имеет значение не только PR-средства: показать «не-Дворцу», что государство у нас есть, – и оно отдельно, а бизнес, как и положено в цивилизованном мире, отдельно. Такой PR действителен лишь отчасти: активно участвующая в постсоветской жизни часть граждан хорошо понимает его условность, а «Дворец» понимает, что они понимают. Размежевание важно, прежде всего, с экономической точки зрения: это основа для конкуренции и сотрудничества в рамках «Дворца». «Дворцовую» экономику создают и в ней соревнуются (на неправовой, нецивилизованной основе) формально государство и формально бизнес (большой и очень большой), – других акторов в ней нет³⁷. Мелкий и средний бизнес, фермерство и т.п. – все это игры для «не-Дворца» (иначе говоря, игры с ограниченными возможностями).

Исторические причины «отмирания» государства в РФ

Модернизованный потсоветский «Дворец» кажется несовременным, архаичным типом государства. Отчасти это так. Прежде всего, потому, что характеризуется глубокой пропастью между правителями и управляемыми. В государстве и обществе отсутствует объединяющий, общий интерес, – они сосуществуют, не чувствуя каких-то обязательств друг перед другом. (Собственно, российская жизнь вообще не мыслится в коллективных категориях: это или индивидуальное выживание на грани возможного, или индивидуальное благоденствие.

политических партий как институтов защиты и интересов бизнеса). Проблема в том, что *бизнес не стремится к субъектности, разменяв ее на гарантированные «Дворцом» сверхдоходы.*

³⁶Цит. по Холодковский К.Г. К вопросу о политической системе современной России // Полис. – М., 2009. – № 2(110). – С. 7–22. – С. 13.

³⁷ Вот что говорят о специфике такой конкуренции бизнесмены: «...никакого противостояния и обособленности власти и бизнеса нет и, видимо, в ближайшие время не будет. Бизнес и власть переплетены теснейшим образом, все наше государство изрядно коммерциализировано. Бизнес связан как с отдельными чиновниками, так и с конкретными ведомствами. У чиновников есть свой бизнес, а у бизнеса – свои чиновники. И не бизнес противостоит власти или власть бизнесу, а одни государственно-деловые структуры – другим государственно-деловым структурам... Мы своим поведением развратили институты государственной власти до такой степени, что они уже не являются государственными институтами» (6, с. 40, 51). Можно, таким образом, говорить о *встречных процессах «захвата бизнеса» властью и «приватизации» бизнесом государства.* Вследствие чего в «верхах» сложилась определенная диспозиция, на которой и базируется «Дворец».

«Соборна» только ментальность: нам свойственно сливаться в большинство на уровне самых главных, «последних» ценностей – самоутверждения/са-мовозвеличивания/«избранничества», имеющих терапевтический, компенсаторный характер. Их смысл можно передать формулой: мы – лучшие, победители; мы – можем!) Казалось, что такой тип отношений ушел в далекое прошлое – и не только европейское, но и наше, российское. Чтобы понять, почему он возобновился, да еще в таких ярких формах, следует обратиться к генезису государства в России.

Напомню, что «дворцовое государство» Ключевского – это историческая отсылка, указание на своеобразие государственной эволюции в России. Исторический Дворец сформировался в удельную эпоху; из него в XVI–XVII вв. выросло государство как социально-управленческая система (первое московское ведомство – Приказ Большого Дворца – появилось из дворцового управления князя, которое прежде всего представляло собой управление княжеским имуществом³⁸). Правда, в ходе эволюции российское государство полностью не «пережило», не «изжило» в себе «Дворец». То есть *сохранило идею государства как вотчины*: сначала – самовластного государя (самодержавие), затем – и именно на это указал В.О. Ключевский – сословия, которое выдвигает государя (самодержавие/дворянвластие). Черты «Дворца» (среди прочих и в смазанном виде) можно обнаружить и у дореволюционного, и у советского государства. Иначе говоря, они – среди прочего – были «Дворцом», включали коммуникации, имевшие «дворцовую» природу. Отсюда – их оценки как «сословных», «бюрократических», «номенклатурных», «антинародных» и т.п.

Но все же в относительно чистом виде «дворцовое государство» явилось, пожалуй, только в послепетровскую эпоху. («Расплавление» государства в Смутные времена, сопровождающиеся деинституционализацией, – явление другого порядка.) Тому было много причин; я укажу на одну, на мой взгляд, определяющую. Вспомним тезис Ключевского: «Московское государство – это вооруженная Великороссия». Он в полной мере относится также к Петербургской империи и СССР. Во все эпохи внешняя опасность, необходимость организации вооруженных сил страны требовали создания сильной централизованной власти, закрепощавшей сословия. *Военно-оборонный тип сознания стал определяющим для национальной ментальности*³⁹. Более того, *национальное объединение происходило только на военно-оборонной основе*. В начале XVIII в. петровский милитаризм и имперство потребовали жертв от всех сословий; среди прочих – от дворянства. Его «впрягли» в службу, подобную крепостной (своего рода «элитарное» тягло) и требовавшей полного самоотречения. Петр не только перенапряг силы крестьянской России; он всячески (по-

³⁸ Его описание см., напр.: 29, с. 61–76, 91–100. «Дворец» был «следствием» вотчинного взгляда на государство как на частную собственность своего хозяина. До конца Рюриковой династии в московском государе, как говорит Ключевский, «борется вотчинник и государь, самовластный хозяин и носитель верховной государственной власти» (цит. по: 35, с. 108). Таким же было «понятие о власти», господствовавшее в «русском политическом мышлении»: «До 1598 г. на московского государя смотрели, как на хозяина земли, а не народа» (19, с. 135–136). Петр формально отказался от вотчинника в пользу государя, модернизировав тем самым верховную власть. Однако вотчинник не исчез, а глубоко скрылся, растворился в государе.

³⁹ И.М. Клямкин указывает: отношения народного (прежде всего – крестьянского) большинства с государством исторически выстраивались в России по «военной модели»; «политической альтернативы этой модели в народной культуре изначально не было, а ее формирование властями блокировалось»; «в вопросах, касающихся отношений с государством, ... ценностно не отчленились друг от друга военная и мирная составляющие». Государственность приобрела милитаристский характер. Особость отношений государства и народа «рельефнее всего» проявилась в советскую эпоху: своеобразное «историческое и культурное содержание было облачено в советские институциональные и идеологические формы» (20, с. 14, 15).

человечески, политически, экономически) истощил высшее сословие⁴⁰. Единственной потребностью дворянства были отдых, расслабление; оно желало демобилизации.

Минимизировать претензии верховной власти к дворянству можно было только минимизировав саму верховную власть, поставив ее в зависимость от сословия. Возможности для этого создал сам преобразователь. Послепетровская эпоха стала временем борьбы дворянства за свои права и избавление от обязанностей, собственно оформления сословия – не как служилого, а как господствующего, привилегированного, управляющего. И ограничения в связи с этим верховной власти – не ее самодурства, но вотчинного потенциала. Момент был подходящий: европейская ситуация была такова, что Великороссия могла не вооружаться: она на время выбыла из большой европейской игры, о ней забыли⁴¹. В период мирной паузы («передышки») и возник «Дворец» как результирующая дворянского стремления к освобождению от службы государству и к материальному насыщению, жизни «для себя». В нем реализовалась идея государства как царско-дворянской вотчины.

В подобных условиях – отсутствия внешнего врага и очевидных внешних угроз в их традиционном понимании, эмансипации управляющих и расширения возможностей их самореализации вне государства – возник постсоветский «Дворец»⁴². Только в этом он и походит на «классическое», послепетровское «дворцовое государство». Которое, к слову сказать, «закончилось» в Отечественной войне 1812 г., вновь заставившей всю Великороссию вооружиться и служить – Отечеству. Тогда дворянство показало пример службы как самоотречения, что, видимо, есть единственная «площадка» для консолидации русского мира («элит» и народа). Об этом – «Война» (связанная с нею часть эпопеи) Л.Н. Толстого.

Трансформация советского «государства трудящихся» в постсоветское «дворцовое» происходила в исторических условиях, в каких-то основных чертах напоминающих послепетровский XVIII век. Во многом это следствие (реакция на) эмансипации управлявших «верхов», закрепощенных в государстве, и эксплуатировавшегося народа, закрепощенного государством. Эмансипация продолжалась весь послесталинский (вновь уточню: послевоенный) период: освободившие себя (после смерти «Хозяина») «верхи» инициировали и «низовую» (массовую) эмансипацию. Она, так же как и «элитарная», имела преимущественно

⁴⁰ Вот что пишет В.О. Ключевский о «следствиях безмерной работы», какую Петр «задал народному труду»: «Лихорадочная деятельность Петра до времени прикрывала крайнее истощение сил страны непосильными тягостями, наложенными на народный труд. Иноземные послы уже за год и больше до смерти Петра догадывались об этом платежном изнурении и писали, что страна не в состоянии ничего больше давать и что единственным еще способным к растяжению финансовым ресурсом остается деспотическая власть царя, не признающая за подданными права собственности» (19, с. 146). Последняя фраза, пожалуй, самая важная в этой цитате. Отрицание за собственниками прав собственности, жертвование частными интересами во имя общих (национально-государственных), найденных «наверху», – вот что сближает мышление «лучших государственников» (царственных деспотов/любимых народных царей) с мировоззрением русского крестьянства, составившего количественную и качественную основу советского народа.

⁴¹ «Для Петра важно было значение дворянства как орудия управления и еще более как военно-служилого класса... Хозяйственное положение дворянства занимало преобразователя только по связи его с военно-служебной годностью сословия. Военная служба дворянства стала менее нужна правительству благодаря затишью, наступившему в Западной Европе и в России после войн за испанское наследство и Северной» (19, с. 156).

⁴² Об испытании России «невоенным» вызовом говорил И. Клямкин, правда, оценивая ситуацию как уникальную: «Россия впервые оказалась перед вызовом, с которым никогда раньше не сталкивалась: вызовом миром, т.е. отсутствием угрозы большой войны. По крайней мере – со стороны Запада. Жизнь в условиях мира трудно давалась России всегда, она не выработала необходимые для такой жизни способы консолидации общества. Но если раньше это компенсировалось войнами и военными угрозами, то распад СССР – первое, до конца еще не осмысленное проявление того совершенно нового вызова... России предстоит осуществить модернизацию при отсутствии угрозы большой войны» (48, с. 14, 15). Определяющим для И. Клямкина является вопрос: «В старой парадигме реального или потенциального военного противостояния конкурентоспособность обеспечивалась политическими, административными и прочими инструментами, в значительной степени насильственными. Чем они могут компенсироваться сейчас?» (48, с. 39).

частно-потребительский характер: не освободила «дух», но раскрепостила владельческие, материалистические инстинкты.

Процесс всеобщего раскрепощения сдерживался только военно-оборонными задачами: ситуация «холодной войны» не давала окончательно разрушиться «тюремно-крепостному» (или мобилизационному, требовавшему всеобщего напряжения и самоограничения) порядку. Тем не менее, следствием постоянного «послабления режима» стало всеобщее бегство в потребление и воровство. Последнее представляло собой единственно возможный в советских условиях (монопольного владения государством «доходной материей») вариант перераспределения наличной материальной субстанции – помимо государства, но используя возможности государства. Бегство становилось все более явным по мере того, как девальвировался образ «врага». Он стал исчезать из ментального фундамента советского государства, изначально строившегося на «противостоянстве», «вражеском» комплексе, эксплуатации массовых страха и агрессии, идеологии избранности (мы – вне и над остальным миром). «Враг» все больше становился образцом жизни «для себя», идеальной моделью современного потребления.

Исчез «Запад–Враг», оставив по себе только антизападнические комплексы, – у государства отпала необходимость удерживать народонаселение в состоянии постоянной мобилизационной готовности, а значит, и обеспечивать его, о нем заботиться. Вместе с тем, не стало главной национальной задачи/идеи, интегрирующей население в народ и связывающей его с государством. Процесс демилитаризации/«демобилизации» на рубеже 1980–1990 гг. принял обвальный характер, перейдя в распад/разложение⁴³. В результате сворачивания военно-оборонной функции (более того, миссии глобального противостояния) государство перестало работать как эффективный социальный механизм, нейтрализующий угрозы/риски и направляющий/стимулирующий развитие. Оно сосредоточилось на себе, занято теперь только собой, приобрело узкосоциальное («сословное») измерение.

«Дворец» – «не-Дворец»: единство и борьба противоположностей

В результате «антикоммунистической революции» в России «элиты» сбросили с себя бремя забот о «народе», а народ избавился от необходимости трудиться на государство. Средоточение господствующих групп на личных интересах, торжество «наверху» ничем (правом, моралью, «мнением народным») не ограниченного «субъективного материализма» стало главной причиной трансформации «государства трудящихся» в «Дворец»⁴⁴. Он наце-

⁴³ История страны в XVIII–XX вв., по мнению И.М. Клямкина, вообще, может быть, представлена как «циклическое чередование милитаризаций и демилитаризаций жизненного уклада... Демилитаризация... начиналась с дозированного предоставления прав и завершалась юридическим самоограничением верховной власти в пользу выборного института народного представительства... Но тут-то и выяснилось, что при отсутствии укоренившегося невоенного понятия об общем интересе интересы частные и групповые, освобожденные от дисциплинирующей милитаристско-закрепостительной скрепы, оказываются непримиримыми. Институты народного представительства, созывом которых завершались оба демилитаризаторских цикла (и послепетровский, и постлесталинский), не столько консолидировали общество, сколько выявляли его неконсолидируемость. Но и старые институты, будь то самодержавие (... монархическое или коммунистическое) или церковь (православная либо в виде коммунистической партии и ее идеологии), при трансформации военного понятия об общем интересе в невоенное обнаруживали в конечном счете свое бессилие» (20, с. 16, 18).

⁴⁴ Внешность этого новообразования говорит сама за себя. «Дворец» должен быть роскошен, – и средств на это не жалеет. Смелый до безрассудства и откровенный до бесстыдства, «Дворец» снабжен массой церемоний и презентаций (собственно, «Дворец» – это сплошная церемониально-презентационная часть, на фоне которой быт и нравы советских элит выглядят вполне «совковыми»). Прикрываясь тайной, этим необходимым атрибутом «деловой» жизни, «Дворец» в то же время не прочь себя показать – для полноты самоутверждения требуются зрители. Роскошен «Дворец» не только в домашне-семейно-праздничном быту, но и на работе. Вот один из характерных фактов: «1 июня 2010 г. на сайте госзакупок появилась информация о госзаказе. Заказчик – Министерство финансов – информировал о том, что ему нужны два стола (компьютерный и переговорный) и

лен исключительно на перераспределение власти и собственности, сохранение созданных для такого перераспределения условий. Это и есть стабильность «по-дворцовому».

Постсоветское государство не нуждается в предельной консолидации и принуждению к службе господствующих групп, создании условий для всеобщего принудительного труда, суровом режиме внутреннего подавления, жестком механизме извлечения и централизованного распределения совокупного прибавочного продукта. Оно *избавилось от бремени, отягощавшего российское государство во времена Московского Царства – Петербургской империи – СССР, т.е. почти всегда*. В современных условиях насильственно чрезвычайные способы контроля, интеграции и эксплуатации социума стали не целесообразны, излишни. «Освобожденное» государство живет для себя и «в себе», ограничив до минимума, необходимого для самооправдания, «несущие» функции управления (административное, хозяйственное и судебно-правовое регулирование, поддержание внутренней и внешней безопасности и т.д.)⁴⁵. Вследствие этого *нарастает неуправляемость, а государство все больше уподобляется спасателю* (становится чем-то вроде «большого МЧС»), вынужденно реагируя на чрезвычайные ситуации⁴⁶. Это обесмысливает его существование как социально-управленческой структуры: государство как бы сворачивается, отменяет себя. Или, как предрекали классики марксизма-ленинизма, «отмирает». Кажется, что «Дворец» – это форма «отмирания» в России государства как социального института, обслуживающего нужды всего общества и определяющего его перспективы.

Главный «raison d'être» современного российского государства – в том, что на наших пространствах оно всегда гарантировало порядок и стимулировало развитие, обеспечивало внешнюю, оборонительно-наступательную функцию, а до недавнего времени воспринималось как «общенародное» (а отчасти и было таковым). То есть *основания легитимности «Дворца» – в прошлом*. Кроме того, «Дворец» не жалеет средств на продвижение собственного образа, сконструированного в соответствии с воспоминаниями и актуальными «пожеланиями» граждан, – как раз тех, которые «свободны», т.е. брошены им на самообеспечение. «Дворец-medium» *пытается замаскировать реальность, имитируя «кормящее», социально справедливое и ответственное государство*.

С точки зрения «Дворца» социум ужался до «ограниченного контингента», необходимого для «дворцового» обслуживания⁴⁷. Это по разным подсчетам, от 10 до 15–17% населения, связанных с относительно эффективными хозяйственными секторами, в которых фоку-

двадцать стульев из дерева, инкрустированных позолотой, на общую сумму 2,5 млн. рублей! В требованиях к изделию было указано, что «поверхность рамки столешницы должна быть отшлифована и окрашена в цвет ореха ручным способом, что позволяет сохранить уникальность текстуры и неповторимость узора дерева». Кроме того, предполагалось наличие кожаной вставки в столешнице с золотым тиснением по периметру. Для позолоты планировалось использовать золотую фольгу высокой пробы. На фоне заявлений ... о намерении экономить – в ближайшие три года ведомство планирует сократить число федеральных чиновников на 20% – подобный заказ выглядел совершенно скандально. Видимо, это поняли и в Минфине. 15 июня заказ был отменен, а само его появление ведомство объяснило случайно вкравшейся ошибкой. К слову, Минфин не единственное ведомство, имеющее вкус к дорогой обстановке. Золоченую мебель в прошлом году также покупало Министерство внутренних дел. В августе 2009 г. на сайте госзакупок появилась информация о конкурсе на приобретение мебели и предметов интерьера на 24,4 млн. рублей. В заказе МВД ... фигурировала кровать из массива европейской вишни, декорированная «тонким слоем золота – 24 карата» (41, с. 14).

⁴⁵ О впечатляющих результатах его деятельности много писали. Из обобщающих (и лишенных каких бы то ни было псевдонаучных спекуляций) работ последнего времени см., напр.: 7, с. 16–23; 44, с. 67–74.

⁴⁶ Это со всей очевидностью продемонстрировала ситуация с аномальной жарой, лесными пожарами и экологическими кризисами в мегаполисах европейской России в июле-августе 2010 г.

⁴⁷ Хотя обслуживание – общая функция прослойки, значительная ее часть занята этим прямым и непосредственным образом. Так, по данным Министерства здравоохранения и соцразвития России, в стране около 20 млн. человек являются домашними работниками. Они занимаются вовсе не только уборкой и часто высоко оплачиваются: например, труд нянь в Москве стоит от 20 до 40 тыс. руб. в месяц, семейных водителей – от 30 до 60 тыс. (см.: 28, с. 7). Большая часть таких нянь и водителей, а также врачи, репетиторы, повара, парикмахеры, банщицы и т.п. являются «дворцовой» службой, работают в сфере «элитарных» услуг.

сируется экономическое оживление⁴⁸. То есть с тем, что составляет «дворцовые» владения. Достаточно аморфная «придворцовая» прослойка, создающая доходы «Дворца», но с них и живущая, – не просто сфера «дворцового» обслуживания. Это своего рода «подушка безопасности» «Дворца», его социальная база, придающая ему устойчивость. Сюда он может расширяться, – правда, до определенных пределов. Чрезмерное расширение, видимо, ведет к перерождению «Дворца» – во что-то другое.

Остальное население (не «Дворец» и не сфера его обслуживания)⁴⁹ свободно – и от государственной службы, и от государственных забот. Оно «Дворцу» просто не нужно, так как не рассматривается им в качестве мобилизационного и трудового ресурса. (Соответ-

⁴⁸ Как выясняется, определить «прослойку» в количественном отношении довольно сложно. Понятно, что по своим параметрам она должна принадлежать к российскому среднему классу. Однако вопрос о том, что это такое, нашей социологической мыслью пока не решен. Наиболее авторитетные мнения на этот счет таковы. Институт социологии РАН считает «среднеклассовость» массовой, определяет эту массу как «средние слои», «относительно благополучные на общероссийском фоне», и относит к ним не менее трети или 33% населения (данные 2008 г.) (12, с. 6, 10–12).

По самым общим подсчетам ВЦИОМ, в этот слой входит не больше 16% населения, имеющих очень странные для классического среднего класса потребительские параметры – «денег хватает на все, кроме новой машины, квартиры и дачи» (22, с. 64). Ту же цифру – 16% населения (2007 г.) – называют исследователи Независимого института социальной политики (НИСП), указывая, что границы среднего класса с 2000 г. не расширяются (40, с. 432; 11, с. 34).

Очевидно, что во всех случаях к «среднему классу» отнесены разные совокупности «срединных слоев», «не проигравших» (в той или иной мере и по сравнению с менее успешными) от социальных перемен. Тогда «прослойкой» можно считать выигравших в «страте» не проигравших. Это те, кого Институт социологии называет «верхним слоем среднего класса» – 6–8% населения (2008 г.). ИС РАН устойчиво (с 2000 г. по 2007 г.) относит к «ядру» среднего класса 7% российских домохозяйств с наиболее высокой концентрацией признаков «среднеклассовости» (11, с. 34). По подсчетам Левада-Центра, группа «выигравших» в 1990-е и в начале 2000-х стабильно составляла 7–8% населения, а за последние годы выросла до 11–12%. «Выигравшие» «стоят» за тот порядок, который сложился на настоящий момент, – лишь бы он не слишком сильно им докучал (14, с. 28).

Итак, от 6–8 до 11–12% (в среднем – 10% населения) «выигравших» («авангардный сегмент» «не-Дворца» или новый средний класс) – это «прослойка» между «срединными» слоями (большинством населения России) и «Дворцом». Экономически она явно тяготеет к «Дворцу» (не случайно, общественным мнением относится к богатым). А поэтому вряд ли целесообразно приплюсовывать ее к «срединным», т.е. основе «не-Дворца». «Прослойка» не обладает явно выраженными признаками гражданственности, а потому весьма сомнительна ее способность реализовать инновационный сценарий развития страны.

⁴⁹ «Недворцовую» массу составляют «срединные» слои, более или менее благополучное большинство социума, и «очень нуждающиеся». Все они в той или иной мере обездолены, что и объединяет их в «не-Дворец». Их главная жизненная установка – «как бы не было хуже» (14, с. 28). Кто же составляет эту «недворцовую» массу?

По данным ВЦИОМ, «численное большинство нашего населения» – порядка 45–55% – «до среднего класса не дотягивает по материальным показателям, но и бедными их тоже трудно назвать. Им хватает и на еду, и на одежду, но покупка бытовой техники, скажем, холодильника или электроплиты, для них уже проблема. При этом они ориентируются на образ жизни, стиль потребления среднего класса как на образцовый» (22, с. 64). ВЦИОМ выделяет также «многочисленную группу бедных (их примерно 24–28% от всех россиян) и тех, кто за чертой бедности (их еще от 7 до 10%)». То есть «не-Дворец», по показателям ВЦИОМ, – это от 76 до 93% населения (или, в среднем: порядка 10% – «за чертой», около 25% – «бедные» и 50% – «срединные». Остается, напомним, еще 16% – на наш странный средний класс).

Еще один вариант стратификации предлагает Институт социологии РАН. Прежде всего, выделяет 33% «срединных слоев», что есть предельный уровень благополучия в современной России (ресурс их дальнейшего расширения «практически ограничен»). Следующий уровень – обездоленные. По данным ИС РАН, весной 2008 г. 59% населения России характеризовалось тремя параметрами уровня жизни: «ниже черты бедности» (16%), балансирующие «на грани бедности» или «нуждающиеся» (16%) и в состоянии «малообеспеченности» (27%).

Как видите, цифры расходятся, причем значительно: «не-Дворец» – это, скорее всего, от почти 60% до более, чем 80% населения. Из них от 30% до почти 40% – бедные и очень бедные слои. В любом случае, оставить за «бортом» такую массу – это очень сильная государственная стратегия. В основном мирно согласиться остаться за «бортом» – не менее сильная человеческая стратегия. Применить ее способна только дезорганизованная и деморализованная, атомизированная, анархо-государственническая масса. Она – «не-Дворец» именно потому, что она такова.

ственно, «Дворец» отказывается от обслуживания в полном объеме разных сфер социальной деятельности: от «больших» искусства/культуры – в пользу «дворцовых», «большое» сельское хозяйство заменяют пригородные экологически чистые «дворцовые» хозяйства, «большая» наука редуцируется до Сколково и т.д.) – Это совершенно особый случай в нашей истории. Государство в России всегда – по разным (но чаще военно-оборонным) причинам – нуждалось в населении: «догоняло» и закрепощало, использовало и вовлекало, просвещало и воспитывало его. Но не игнорировало. Сейчас государство – само по себе, основная масса народонаселения – сама по себе. У государства для населения нет больше ни идей (предлагаются только старые, «потерто-заношенные»), ни занятий. У населения к государству остались только претензии – социально-экономического характера.

В этой диспозиции явно проигрывает «не-Дворец». Все, что сейчас в России «Дворцом» не является, обречено – во всяком случае, в ближайшей перспективе. По существу, для выживания «не-Дворец» должен искать независимые от государства источники самообеспечения (в том числе «кормовые» на старость, временную нетрудоспособность), что чаще всего достигается неправовыми способами⁵⁰. Следует отметить, что у населения богатый опыт такого рода: при «избытке» или «недостатке» государства в России в дефиците всегда была его социальная функция. Люди исторически приучены выкручиваться как умеют. Сейчас общение с государственными органами сведено до минимума; к ним обращаются вынужденно, когда нет иных вариантов решения проблем.

В конечном счете, *нынешняя обреченность «не-Дворца» не является фатальной*; воля – это его шанс стать обществом, сформировать запрос на отмену «дворцового государства». Но пока «не-Дворец» остается дезорганизованной, атомизированной, «асоциальной» массой, занятой выживанием и обучающейся современному потреблению. Для этого применяет в основном незаконные и нецивилизованные стратегии. В этих условиях запрос на то, чем нам быть, за массу формирует «Дворец». И масса не возражает. Если это и кажется странным, то только на первый взгляд.

Для характеристики «не-Дворца» с качественной точки зрения важны следующие обстоятельства. Социологи констатируют факты «консервации бедности» и формирования «субкультуры бедных», отсутствия у «нуждающихся» свободных денег (т.е. какого-либо «запаса прочности»), концентрации малообеспеченных в «малой России» (так, 67% малообеспеченных и 75% нуждающихся «из числа работающего населения» сосредоточены в малых городах и селах, хотя доля населения таких городов среди работающих составляет около 60%) (12, с. 5–10). Что касается «срединных» (или промежуточных: уже не «низших», но еще и не «дворцовой услуги») слоев, то их перспективы исследователи описывают так. Если экономический рост укрепляет материальное положение наиболее обеспеченных доходных групп, а прямое регулирование доходов дает некоторый результат в зоне бедности, то «промежуточные» оказались за кадром экономической и социальной политики; «импульсы, исходящие и от положительной экономической динамики, и от попыток правительства поднять уровень жизни населения, сюда либо вообще не доходят, либо доходят в усеченном виде... Представители этой страты не участвуют в экономическом росте и не ощущают его результатов, а лишь наблюдают за ним. Это означает, что для абсолютного большинства граждан экономический рост – не панацея. Возможности прямого регулирования доходов в действующей парадигме не безграничны, и ее сохранение означает в лучшем случае стабилизацию доходов, но не существенное улучшение материального положения основной массы населения» (24, с. 81). И последнее. Судя по описаниям, перспективы «не-Дворца» таковы: при малейших неблагоприятных экономических колебаниях, скорее, «срединные» пополняют «зону бедности», чем наоборот. В целом *ситуация может не восприниматься как катастрофическая только очень закаленным человеком. То есть нашим человеком.*

⁵⁰ Социологический факт: большинство сложившихся в России социальных сетей, которые были и остаются важным дополнительным ресурсом выживания, носит неформальный характер. В этом «проявляется явное недоверие значительной доли российских граждан к формальным институтам» (12, с. 14, 15). Закономерно, что только 26% опрошенных в июле 2005 г. во всех территориально-экономических районах России разделили следующую точку зрения: во всем и всегда следует соблюдать букву закона. Кстати, среди госслужащих ее поддержали 58% опрошенных (4, с. 101–102). Очевидно, что приверженность правовой дисциплине – не личная установка и не просто декларация: скорее, предписание рядовым гражданам, с которыми чиновники себя не ассоциируют. *Закон выглядит как формальное ограничение для «резервации»; те, кто стоят над ней, – выше закона.*

Это массовое согласие на «Дворец» объясняется не только «хорошими» воспоминаниями и всеобщей усталостью/безразличием. Отношения массы «недворцовых» россиян с государством чрезвычайно сложны: противостоя ему (как враждебной, внешней, подавляющей их силе, не способной наладить механизмы социальной защиты, справедливого распределения ресурсов, благ), она в то же время настроена на сотрудничество. Многочисленные постсоветские социологические опросы показывают, что «государственные и общественные институты не пользуются поддержкой и доверием россиян. Они не рассматриваются ими в качестве инструментов реализации общественных и личных интересов»⁵¹. При этом, по данным тех же опросов, и сегодня понятия «государство» и «государственные служащие» вызывают у наших граждан скорее позитивное чувство (тогда как «власть» и «чиновничество» – негативное)⁵². Любопытно, что и «у самой бюрократии термин «чиновники» связан с негативными ассоциациями. Ей больше по душе, когда ее представителей называют государственными служащими»⁵³.

Получается, что у людей есть четкие представления о том, каким должно быть государство, которое они сочли бы «своим». И именно эти представления их объединяют, – здесь расхождений у абсолютного большинства граждан нет. Более того, по их мнению, государство в принципе должно быть «своим» (народным) и никаким другим, – отсюда позитивное отношение к «госслужащему» как «единице» народа, интегрированной в государство. В конечном счете, *наш идеал – не отделение от государства, его дополнение гражданским обществом, а неразделимое единство народного государства и народа-государственника*. В этой логике восстать народ может только против «неправильного» («самозваного») государства, что, по существу, есть восстановление справедливости, а потому ненаказуемо. Другой вариант отношений с таким государством – обман, «кидóк», отчуждение. «Власть и бюрократия» – «маркёры» «чужого», «не нашего» («переродившегося», «ненормального») государства, которому что-то (точнее, кто-то – «враги», «заговорщики», «мировое закулисье», т.е. персонифицированное зло, вечные спутники русского человека – «темные силы») мешает быть «народным».

Устойчивое ощущение государства как ценности воспитано историей и навязано властными репрезентациями о государстве трудящихся, где совпадали коренные интересы государства и населения. Перенесение восприятия с советского государства на постсоветское выглядит как ошибка атрибуции. Представляя государство по воспоминаниям (т.е. усвоенным в прошлом представлением о «дóлжном»), постсоветские граждане в действительности имеют дело с совершенно иным, чем представляется, феноменом – «Дворцом», основанном на коренном несовпадении интересов. Конфликт между реальным и дóлжным/идеальным снимается применением двух стратегий. Во-первых, массовое отчуждение от «Дворца» компенсируется ростом потребности в «дóлжном» государстве. Как свидетельствуют опросы, «социальная и правовая незащищенность... усиливает роль государства и его институтов для значительной части общества. Более 60% населения утверждает, что без помощи и поддержки государства им не выжить»^{54 55}. И это уже не ошибка восприятия, а правда. Этим объясняется «поддержка большинством населения различных вариантов национализации крупных «олигархических» бизнес-структур... Консенсусной социально-политической ценностью последних лет является усиление роли государства во всех сферах жизни, его социальная ориенти-

⁵¹Бюрократия и власть в новой России / Институт социологии РАН. Центр комплексных социальных исследований // Полития. – М., 2006. – Весна. – № 1(40). – С. 88–103. – С. 97.

⁵²Там же. С. 92.

⁵³Там же.

⁵⁴Там же. С. 88.

⁵⁵ Показательно, что по данным опроса Левада-Центра весны 2009 г., 54% респондентов убеждены: возможности выхода России из экономического кризиса полностью зависят от действий правительства (см.: 44, с. 72–73).

рованность»⁵⁶. Более того, «чиновники и рядовое население едины в одном, что защита гражданских прав россиян, в первую очередь от произвола государственных органов, должна находиться под «патронажем» самого государства»⁵⁷. Такое «мирское согласие» напоминает единство овец и волков: овцы делегируют свои права и обязательства их защищать волкам. Правда, в оправдание «овец» следует сказать, что они отказываются от малозначимых (на их взгляд) для выживания прав в пользу «хороших волков» – такого государства, каким оно должно быть.

Вторая стратегия демонстрирует жесткий прагматизм постсоветского массового человека: четверть трудоспособного населения желала бы сейчас стать госслужащими, обеспечив себе «надежность работы и заработка, возможность попасть в круг «нужных» людей, получить социальные льготы и гарантии»⁵⁸. Приблизиться к «Дворцу», хотя бы на уровне «обслуживания», – так население пытается в новых условиях сблизить свои интересы с государственными. Иначе говоря, предполагает «попользоваться» если не самими «дворцовыми» возможностями, то хотя бы их остатками (своего рода согласие на существование по «остаточному» принципу). Это малопривлекательная с морально-этической точки зрения, но вполне расчетливая жизненная стратегия. Правда, эффективно применить ее смогут немногие.

Обе стратегии выживания – «фантазера»-бунтаря, исправляющего реальность в воображении и ожидающего претворения в жизнь воображаемого, и пассивного пользователя – скорее ориентируют на сотрудничество с тем, что есть, чем на активное переустройство. Точнее, не оставляют места перестроечной инициативе. «Общество охотно, по крайней мере, без значительного сопротивления, передает государству свои прерогативы, такие, например, как выборы местной власти, формирование партийной системы, социальная и трудовая защита»⁵⁹. Государство наделяется гражданами значением «компетентной» инстанции, единолично отвечающей за положение коллективных дел («коллектив» при этом не «сведущ», не влиятелен – бессубъектен)⁶⁰. Отчуждение основной массы населения от властных функций принимает-

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С. 100.

⁵⁸ Там же. С. 102-103.

⁵⁹ Там же. С. 88.

⁶⁰ Многие российские социологи и политологи выделяют в российском обществе несколько «мировоззренческих» групп: «традиционалистски и патерналистски настроенные» слои (за 2006–2009 гг. их доля возросла с 41 до 47%, в молодежной среде – с 29% в 2004 г. до 39% в 2009 г.); «модернисты», «в сознании которых доминируют идеи личной ответственности, инициативы, индивидуальной свободы» (этот слой сократился с 26% до 20%; в возрастной категории до 25 лет – с 37% в 2004 до 27% в 2009 г.); «носители промежуточного типа сознания, сочетающего в себе элементы традиционализма и модернизма (их доля устойчива – 33%) (см.: 12, с. 17). Главное «мировоззренческое» различие исследователи видят в отношении к всевластию государства и свободе личности. Если «модернисты» предпочитают индивидуальную свободу, то «традиционалисты» и «промежуточные» (порядка 80% населения, т.е. абсолютное большинство) – «этакратическую модель», с всевластным государством, в идеале выражающим интересы общности в целом и обеспечивающим ее безопасность (12, с. 17–18). Однако всех примиряют экономические воззрения, представления о роли государства в социально-экономической жизни, являющиеся несущей конструкцией мировосприятия россиян. Здесь даже «модернисты»/«инноваторы» солидарны с остальным населением. Главная массовая установка – «доминирование государства в экономике, в управлении собственностью»: по общему мнению (оно разделяется большинством в любой демографической и социально-профессиональной группе), все отрасли «стратегического» характера (добывающие, электроэнергетика, транспорт и др.) должны быть «в руках» государства; в «нестратегических» возможна смешанная экономика, но под государственным контролем (его цель – согласование интересов частного капитала с интересами общества в целом) (12, с. 18–19). Российская рыночная экономика («реальный» капитализм, пришедший на смену «реальному» социализму) большинством россиян отторгается как не соответствующая идеальной модели. *И сам идеал, и отношение к реальности (отчуждение от нее в ожидании чуда), в конечном счете, ориентируют нашего массового человека на попустительство произволу государства, а не на его ограничение.* Единственный выход, который оставляет для себя русский человек, – бунт: тихий, индивидуальный («уход в себя») или карнавалльно-массовое буйство. И то и другое – стихийно, не формализуемо, не способно преобразоваться в социальную альтернативу. И предполагает появление лидеров-бунтарей (атаманов-царьков), но не эффективной оппозиции.

ся как факт – «то ли как естественное следствие разделения труда, неизбежность, то ли как удобное положение вещей, позволяющее большинству людей заниматься своими делами»⁶¹. И, добавлю я, не чувствовать персональной ответственности за происходящее.

При этом большинство глубоко переживает несправедливость государства (точнее, своего положения в системе, созданной государством), продуцируя постоянно высокий конфликтно-протестный социальный фон⁶². Его, кстати, поддерживает сам «Дворец» – прежде всего, информационными средствами. Симуляция общего – государства и народа – переживания несправедливости, затушевывание сущностной порочности «Дворца» риторикой несовершенства государства и недостатков отдельных государственных лиц снимают напряжение, не позволяя недовольству превысить социально допустимую норму. В итоге *сопротивление перерабатывается в сотрудничество*; «не-Дворец» оказывается неспособным изменить социальную диспозицию, а время делает ее привычной. «Недворцовая» масса, главный адаптационный механизм которой – жизнь «по привычке», по принципу «стерпится», со временем все больше свыкается с «Дворцом».

Зачем «Дворцу» президент?

В отношениях «сословие–народонаселение» «Дворец» – сильнейшая сторона. По праву сильного он и снял с себя всякие обязательства, оставив их при этом за слабейшим. Вроде бы преобладание «Дворца» бесспорно и не ограничено; составляющему его «сословию» не о чем беспокоиться. Однако неопределенности и риски в рамках такой – несправедливой, неэффективной, с нормальной точки зрения противоестественной (т.е. антицивилизационной, отрицающей культурный опыт, современные культурные достижения и нормы) – системы так велики, что для обеспечения максимально благоприятных условий существования «сословие» готово идти на самоограничения. «Дворец» нуждается в налаженных внутренних коммуникациях (для предотвращения войны в «верхах» за «место» – доступ к «дворцовым» прибылям) и хотя бы символическом внешнем представительстве. Для этого господствующие группы «призывают» верховную власть.

Наше «выборно-преемническое самодержавие» и в начале XXI в. – после всех усиленных, «вертикализаций», борьбы с «аристократическим» элементом за свои права – остается «договорным». Оно, прежде всего, – результат «сговора» (закулисной «сделки») «элит», т.е. «дворцовых» акторов⁶³. При этом, чтобы эффективно служить «Дворцу», верховная власть

⁶¹ Там же. С. 88, 97, 102

⁶² На таком фоне вполне естественной, скажем, выглядит реакция граждан на убийства в Приморском крае в июне 2010 г. милиционеров. Преступники вызвали не осуждение, а массовое сочувствие (см. об этом, напр.: 43, с. 12–16). Еще не разобравшись в происходящем, граждане назвали мифических злодеев «приморскими партизанами», и злорадствовали, когда во Владивостоке милиционеры перестали ходить поодиночке – только группами и в зеленых армейских касках. Это очень походит на отношение «аборигенов» к оккупантам. Уссурийские «партизаны» явно рассматривались как управа на милицию, а убийства – как справедливый самосуд. Стихийная массовая антигосударственная реакция – серьезный сигнал «дворцовому» государству.

⁶³ «Договорное» означает ограниченное – не столько с формальной точки зрения (по Конституции), что для России не существенно, сколько по факту: прежде всего, бизнес-«аристократией» («олигархами»), отчасти демократическими структурами (партиями, парламентом), «клановой» конкуренцией и т.п. Ограничение «по факту» напоминает ограничения, навязанные власти в XVII–XVIII вв. Характеризуя положение самодержавия после 1598 г., В.О. Ключевский пишет, что в XVII в. боярство («знатные фамилии» или «фамильные люди», «родовая аристократия») «...освоилось с мыслью о договорном царе; но, исходя из правящего класса, а не из народной массы, заслуженно ему не доверявшей, эта мысль всегда стремилась отлиться и... отливалась в одинаковую форму закулисной сделки, выступившей наружу в виде добровольного дара власти либо проявлявшейся в ослабленных браздах правления. Такая форма была выходом из положения между двух огней, в которое попадали люди, чутьем или сознательно пытавшиеся исцелить страну от болезненного роста верховной власти. Дело 1730 г. было седьмой попыткой более или менее прикрытого сделочного вымогания свободы правительственным кружкам и четвертым опытом открытого, формального ограничения власти. Негласное вымогание свободы вызывалось нравственным недоверием к дурно воспитанной политической

должна быть (или хотя бы выглядеть) самостоятельной («не сделочной»), сильной, стабильной и национальной (точнее, национально-религиозной – как «борец» за «русскую народность» и православную веру). Ее возвышение – в интересах «дворцовых» акторов.

«Договорно-самодержавный» президент – глава корпорации «Россия–Дворец», ее охрана/«крыша», арбитр/модератор. В то же время – лидер одной из дворцовых «группировок», делегированный на самый верх с целью создания льготных условий для «своих». Экономическое могущество верховной власти основывается на размере и доходности ее доли «дворцового хозяйства». Бюджет – это те материальные средства, которые позволяют верховной власти «держат под своей рукой» других экономических акторов. (Кстати, бюджет страны очень походит на «дворцовый» общак; те, кто его держит, видимо, в большом авторитете.) *Аппарат верховной власти (Администрация президента) регулирует внутренние (т.е. собственно «дворцовые») коммуникации, а персонификатор представляет «Дворец» «не-Дворцу»* – исторически он является для граждан гарантом реализации государством его социальной функции.

«Царско-боярский сговор», лежащий в основе «Дворца», понимается народом («не-Дворцом») как «заговор против народа» или «коренная ложь» нового социального порядка⁶⁴. Преодолению «лжи» (переводу ее в статус как бы «не бывшей», не существующей) служит имидж «народного» (избранного для и «под» народ) президента, «прессующего» «сильных людей» и потому противостоящего «Дворцу». *Президент – народный покровитель и защитник – единственная точка пересечения народа и «дворцового государства», воплощенное преодоление их противостояния.* Президент символизирует «народное» начало государства, обеспечивая «Дворцу» легитимность. Этим, с точки зрения господствующего «сословия», оправдывается президентская власть.

Симптоматично, что по данным социологических исследований «главную роль в повышении действенности отечественной бюрократии население отводит президенту страны»⁶⁵. При этом «многочисленные опросы показывают, что в последнее время в российском обществе как никогда сильны антибюрократические умонастроения... Они сочетаются с запросом на сильное государство, справедливость и порядок»⁶⁶. Добавим также, что в «унии» крупного олигархического капитала и властвующей элиты россияне видят главный «механизм торможения», препятствующий выходу России на траекторию устойчивого развития⁶⁷. Если обобщить эти данные, получается, что президент выводится гражданами за пределы российской бюрократии и как бы ставится над ней, – ведь именно ему отведена роль ее «перевоспитате-

власти и страхом перед недовольным к правящему классу народом; формальное ограничение не удавалось вследствие розни среди самих господствующих классов» (19, с. 136. Выделено мною. – И.Г.). В конце XX в. состоялись и «сделка», и «формальное ограничение», но и они не стали окончательными.

⁶⁴ Характерно, что «многие наши сограждане не вполне уверены в том, что и президент России и другие федеральные органы власти (правительство, парламент) обладают всей полнотой власти. Власть в стране, по мнению населения, достаточно равномерно распределена в своеобразном треугольнике: «федеральная власть (президент, парламент и правительство) – бюрократия – олигархи». Так, 28,8% в 2006 г. полагали, что власть находится в руках президента и других федеральных органов. Примерно столько же (28,2%) считали, что ею обладает «гражданская» и «силовая» бюрократия, и 32,3% – олигархи. «Если население в целом чаще считает, что реальную власть в стране имеют олигархические кланы, то респонденты-чиновники полагают, что она находится в руках легитимных органов власти – президента, парламента, правительства (45,3% против 28,8%) ... Единственное, в чем единодушны практически все респонденты, – это в том, что «российский народ» не оказывает никакого влияния на функционирование российской власти» (4, с. 93–94). Лишь 11% россиян, опрошенных рабочей группой Института социологии РАН в 2008 г., заявили, что знают, как сделать, чтобы их голос был услышан при принятии важных политических решений. Для сравнения: в Германии, Франции, Великобритании, Италии эта доля превышает 30%, в Швейцарии равна 45%, в Дании – 52%, в Голландии – 67% (38, с. 76–77).

⁶⁵ Бюрократия и власть в новой России / Институт социологии РАН. Центр комплексных социальных исследований // Полития. – М., 2006. – Весна. – № 1(40). – С. 88–103. – С. 103.

⁶⁶ Там же. С. 88, 91.

⁶⁷ Там же. С. 91.

ля)/контролера. Не связывается он и с «олигархами», не вписывается в их союз с административными элитами, – президент выше всех «аристократических», узких и корыстных, интересов. (Понятно, что «антиаристократическая» риторика двух последних президентов совсем не случайна. Это сигнал об их соответствии массовым ожиданиям.)

Только президента граждане считают ответственным за справедливость, порядок, усиление государства и вполне способным их обеспечить⁶⁸. *Президент является персонификатором этих традиционных ценностей, обязательно коррелирующих друг с другом, – и, следовательно, точкой пересечения воображаемого (должного) и реального государства. Граждане отводят ему роль идеального государственника (точнее, он – опора воображаемой конструкции «идеальное российское государство»), а пороки системы склонны списывать на реальность (тех государство и государственников, с которыми имеют дело). Таким образом, в пользу президента, персонифицирующего идеальное государство, добровольно отчуждается функция общесоциального (коллективного, национального) жизнотворчества. При этом, делегируя на «самый верх» ответственность за налаживание общей жизни, россияне явно снимают ее с себя, а персонифицируя ответственность, по существу, отрицают идею государства как обезличенного, регулятивно-административного, правового механизма. Фактически речь идет о зафиксированном социологически взгляде на государство как на вотчину – правда, вотчину идеального государственника, способного дать то, чего в жизни нет, да и никогда не было (понятно, что сверхинтенсивный запрос на порядок/справедливость и обеспечивающее их сильное государство имеет компенсаторный, «замещенный» характер). Коллективное воображаемое становится питательной почвой для создания в реальности совсем другой, прямо противоположной модели, которая отторгается массовым сознанием как антиидеал государства как «сословной» вотчины/«кормушки».*

Вообще постоянное сопоставление постсоветским массовым человеком реального с идеалом, острый конфликт реального с воображаемым заслуживают особого внимания. Сопоставление и перенос («хороших» ментальных конструкций в «плохую» жизнь») – это способ преодоления разрыва между «должным» и реальностью, который ощущается как радикальный. Представления получают в массовом сознании статус «хорошей реальности», противопоставляемой жизненному миру по принципу «свет»–«тьма» и служащей образцом его переделки, улучшения. Причем, только в воображении (это традиционный тип коллективного действия – за пределами реальной жизни). Так в нашей культуре компенсируются дефициты действительности, снижается уровень массовой тревожности от столкновений с нею.

Подобный тип разрядки (и высокая потребность в ней) свидетельствуют о том, насколько жизнь – внешние по отношению к частному миру, коллективно создаваемые условия существования – подавляет нашего человека, как глубоко им переживается ее стрессогенный накал (действительность фактически воспринимается как одна сплошная угроза существованию), каким незащищенным и несамостоятельным он себя чувствует. Отбиться от жизни можно только в опоре на «своих» (семью, ближайшее окружение), через коррупцию, неформальные связи и еще цепляясь за идеальные опоры – мудрую и справедливую верховную власть, народное государство. Идеальная же модель государства – явление, историче-

⁶⁸ Как показывают опросы, «большинство россиян основную ответственность за дела в стране возлагают на главу государства и подконтрольные ему федеральные органы власти. Лишь четверть населения убеждена в том, что центральная власть не должна отвечать за все, что происходит в стране» (4, с. 100). Интересно, что высоко оценивая политическое влияние президента, граждане склонны занижать возможности его экономической власти: 42,8% опрошенных в 2005 г. полагали, что В. Путин оказывает решающее, по сравнению с бюрократией, влияние на политическую жизнь страны, и только 18,3% считали, что его влияние так же велико в экономике. «Мнения чиновников распределились сходным образом: 52,9% отметили доминирующую роль В. Путина в политической сфере и... 26,1% – в экономической» (4, с. 95). Это, своего рода, способ «оберегания» президента (точнее, своих представлений о назначении русской верховной власти) – от подозрений в корысти, потакании частным интересам, а, значит, – жертвовании общими.

ски, культурно и ментально обусловленное. Можно сказать, что свои отношения с государством-идеалом большинство современных граждан строит подобно тому, как это делали до-революционный крестьянин и простой советский человек в обозримой для исследователей ретроспективе (во всяком случае, в XIX–XX вв.). А президент в идеальной модели государства занимает приблизительно то же место, что царь и генеральный секретарь.

Причем речь идет о социальном явлении и его понимании, а не о конкретной личности и ее качествах. Иначе говоря, социальная нагрузка фигуры президента не меняется в зависимости от того, кто сейчас президент. *Харизма персонификатора русской власти – это харизма «места», а не лица, его занимающего. Правда, люди оценивают, насколько персонификатор подходит к своей социальной роли (соответствует ли «месту»).* В этом смысле современный исполнитель рассматривается ими, скорее, как «и.о.» президента, временно перешедшего на другую работу, или, если воспользоваться традиционной терминологией, «местоблюститель»⁶⁹. Именно нынешний премьер выглядит как персонификатор и защитник народных интересов, – потому так и воспринимается народом. При этом восприятие определяет не видимость (или не только она), а «правильное» наложение видимого (публичного образа персонификатора/защитника, представляемого подходящим, органично «вжившимся» в образ лицом) на соответствующую ментально-культурную матрицу.

Повторю, отношения «сословия» с президентской властью оформились в постсоветские времена как «договорные», а не «служебные». Однако в 2000-е верховная власть накопила достаточный ресурс, чтобы выступать в этих отношениях с позиции силы. *Создание путинской «вертикали» следует понимать не только как процесс «собрания» (отъема и накопления) и «роста» за этот счет политической власти, но и укрепления механизмов контроля «дворцовых» собственности/собственников.* Очевидно, что заставить такие механизмы эффективно работать могли только представители советской госбезопасности («силы порядка» русской системы, т.е. всегда полицейщины/террора), которые в 90-е приобрели опыт коммерческой деятельности (в основном – разрешения коммерческих споров и охраны/«крышевания»). Поэтому сейчас они – «центровые» «Дворца», его арбитражно-контролирующая основа. «Высшая власть», по точному выражению К.Г. Холодковского, выступает как «верховный арбитр теневой ресурсной конкуренции» (45, с. 16)⁷⁰.

«Рост» верховной власти в 2000-е был во многом обеспечен запросом на нее «не-Дворца», отягощенного потребностью в идеальном государстве. *Самим «Дворцом» политическая власть в значительной мере воспринимается как один из «путей» «дворцового» хозяйства, а также товар, который имеет свою цену (т.е. определенные условия владения).* Наращивание ее престижа (внутреннего и международного) служит доказательством ее эффективности в рамках «Дворца». В этом смысле президент, действительно, напоминает управляющего корпорацией, а его окружение, вся политическая «элита» – корпоративный топ-менеджмент. Но это, подчеркну, скорее, самопонимание, образ «Дворца» для «Дворца» (для «служебного

⁶⁹ Ситуация «соправительства» дает уникальную возможность наблюдать процесс перераспределения верховной власти. К.Г. Холодковский обращает внимание на факт полного или частичного перемещения реальной власти в новое место вслед за лицом (45, с. 18–21). Причем в рамках такой комбинации лицу удалось подтвердить свою безальтернативность как главы страны. Интересна интерпретация В.Б. Пастухова, который считает Д. Медведева не политическим, а юридическим преемником В. Путина: ему отведена роль «трасти», доверительного управляющего. «Вполне возможно, – отмечает исследователь, – ... что широкая вовлеченность российской политической элиты в оффшорный бизнес подсказала ей методологию решения возникшей перед Путиным «проблемы 2008». Привлечение доверительных управляющих экономическими активами так прочно вошло в русскую бизнес-практику, что использование этого механизма для решения политических задач казалось делом совершенно естественным» (30, с. 121). Доверительный управляющий, обладающий лишь правом подписи, – находка в духе «Дворца», интернационалиста, коммерсанта, советского «делового», не доверяющего никому и ничему.

⁷⁰ Для определения роли верховной власти очень подошел бы криминальный термин, использованный О. Крыштановской для описания «коалиции Путина»: она говорила о «смотрящих Кремля», я бы сказала – «смотрящий Кремль».

пользования»). Народу он давно уже не предлагается, так как никак не способствует решению «дворцовых» задач. *Во внешних/публичных коммуникациях подчеркивается независимость верховной власти, ее удаленность от «Дворца». Только прикрываясь этим традиционным образом она может представлять и защищать «дворцовые» интересы (т.е. и свои интересы тоже).*

В то же время верховная власть все больше демонстрирует, что видит себя иначе, чем просто «наемным работником» на службе у «государства/корпорации». Это, прежде всего, означает, что амбиция у нас всегда далеко опережает наличные возможности. *Персонафикатор верховной власти больше не владеет «Дворцом» единолично. Но долгое пребывание на должности («магия места») активизирует властные владельческие инстинкты.* «Дурно воспитанная» политическая власть стремится пересмотреть ограничившие ее «сделки», вернуть себе привычный самовластный (или «безотчетный», по Ключевскому⁷¹), надправовой статус – «царя по Правде». Это представляет собой очевидную угрозу интересам других «дворцовых» акторов. И еще бóльшую – народонаселению: самовластие – самая дурная и опасная русская болезнь. Но «не-Дворец» не хочет признавать, что инфицирован ею. Самовластие он трактует как благо для себя, рассчитывая, что царская «гроза» и «опала» коснутся только «аристократических», чуждых и враждебных ему, элементов. То есть «не-дворцовые» «неакторы» верят, что накажут «по заслугам» и по справедливости, – а, значит, не их, бес-субъектных и безвинных. «Не-Дворец» ждет ограниченных (выборочных) репрессий так же напряженно, как и «царских» милостей (милостыни).

От номенклатуры – к «Дворцу»: элитарная логика

Кажется, что постсоветский опыт позволяет сформулировать один из «законов» «русской системы». Чем больше ослабевают репрессивный накал государства и страх перед ним населения, тем более очевидными становятся «убегание» от него граждан и его замыкание в себе, сопровождающееся минимизацией социальных функций и гипертрофированием личных и корпоративных (в том числе ведомственных, региональных) интересов в рамках государственной системы. По мере расширения объема общественных свобод (а происходит это «сверху» вниз – от «элит» к массам, причем определяющее значение имеют свободы социально-экономические, не установленные правовым порядком, а вырванные по «праву сильного», «захватом») государство все больше приобретает черты «дворцового». У государства должны быть сильные противовесы («переросшие» «дворцовую» логику элиты, гражданские силы), чтобы сопротивляться давлению этого внутреннего «механизма».

В позднесоветском государстве главным сдерживающим фактором была партия – партийные нормы, дисциплина, контроль, репрессия. Когда партии не стало, государство редуцировалось до «Дворца». Смысл деятельности постсоветского «дворцового государства» – самообеспечение. Государственные собственность и бюджет рассматриваются как «корм» «Дворца»; внутренние (непубличные, в основном нацеленные на согласование интересов между разными «дворцовыми» группировками) и внешние (их можно трактовать как платные услуги и разного рода «связи с общественностью») коммуникации все больше основываются на коррупционных механизмах⁷². Причем, коррупция – это проявление свободы/автономии, на которых строится «Дворец». *Не случайно советское государство (т.е. прежде всего*

⁷¹Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. – Кн. 3. – М.: Мысль, 1993. – 559 с. – С. 137.

⁷² По современным подсчетам, к «теневой экономике», возросшей на коррупции, на излете существования СССР принадлежало около 18 млн. человек. Врастая в «теневые» связи, все больше криминализировались средние и низовые уровни советской власти. Постсоветский «Дворец», безусловно, имеет здесь свои корни. – Его (среди прочего) продавила «теневая» масса, желавшая легализоваться и определять собой жизнь в стране. Ее главный жизненный принцип: «теневая» практика обслуживает частные интересы, т.е. используется «для себя». Этот принцип стал определять и «дворцовую» жизнь.

ЦК–ГБ) боролась не с коррупцией как таковой, а с коррупционерами как свободными, автономными от партии/государства людьми (в том смысле, что поставили свои интересы выше партийно-государственных). Коррупционеры победили; ЦК–ГБ их возглавили.

Почему на «переходе» «от советского» сработал именно этот, «ущербный» с общесоциальной точки зрения вариант? Ведь он не был предопределен: *в подобных условиях – последовательной всеобщей эмансипации (60-е годы XIX – начало XX в.) – не произошло трансформации государства в «Дворец».* Вероятно, в основном потому, что правившие тогда не желали быть только «Дворцом», просто «Дворцом». Их интересы были неизмеримо шире и сложнее, потребности не ограничивались потребительскими (за них жажду материального, потребности низшего порядка удовлетворили предки). Достаточно широкий слой вполне европейской, культурно рафинированной элиты стал гарантией от появления «Дворца». *Видимо, главная страховка от сползания к «дворцовому государству» в России – окультуривание элит, их дисциплинирование и гуманизация в рамках европейских ценностей.* Только прививка «антропоцентричной» культуры способна привести к внутреннему самоограничению, укрощению «изнутри» (не царской дыбкой и не народным бунтом) эгоизма «правлящего сословия». Правда, в массовом, урбанистическом и образованном, обществе эволюция элит должна быть поддержана и направлена соответствующей социальной эволюцией.

Рождение «Дворца» (элитарного, «сословного» государства, понятного в XVIII в., но вроде бы несовместимого с условиями массового общества, глобального мира), повторю, обусловлено позднесоветским опытом. То есть опытом трансформации русского массово-мобилизационного общества в массовое потребительское и соответствующего «переформатирования» социального пространства. Инициаторами «перехода» от мобилизующего советского «общенародного» государства к демобилизованному «Дворцу» были позднесоветские «элиты». В советских условиях «наверх» попадали и там выживали сначала самые безжалостные, потом самые ловкие и всегда – самые беспринципные. Условием советской «элитарности» было поведение, противоречащее тому, что можно назвать народным интересом. В рамках «Дворца» оно получило иную, чем в советские времена, и притом самую естественную (а, значит, и самую примитивную) реализацию – материалистическую, потребительскую.

На раскрепощение и выхолащивание из советской системы высшего смысла (осознание всеми – и, прежде всего, «верхами» – бессмысленности советской идеологии и советского порядка) «элиты» ответили единственным, чем могли ответить, – поставили себя, собствен-

Здесь следует сделать существенную оговорку: то, что в нашей обыденной жизни принято называть коррупцией (в том числе обмен возможностями, услугами), не есть проблема «карающих» органов. Это не отклонение от нормы, болезнь, сопутствующее нормальной жизни частное явление, а способ существования социума. (Именно в такой интерпретации тема коррупции легализована в публичном пространстве. Сам президент, обсуждая антикоррупционную программу, назвал коррупцию одним из исторических механизмов осуществления власти в стране (см.: 45, с. 12). Однако следует понимать: публичные разговоры «верхов» о том, что все равно разворуют и иначе мы не можем, – не что иное, как легитимация коррупционности «Дворца»). И здесь главный вопрос: почему социум допускает существование такого механизма, более того, нуждается в нем? На него есть ответы, причем, на мой взгляд, взаимодополняющие. С.Г. Кордонский характеризует коррупцию как «систему связей по перераспределению ресурсов». По его мнению, «принципиальная непубличность в распределении и освоении ресурсов... есть имманентное свойство... системы сословно-ресурсного общественного устройства. Оно повсеместно и неискоренимо...» (21, с. 136). Ю.С. Пивоваров видит «корни» этого явления в передельной природе крестьянской дореволюционной, а затем советской социальности: «...коррупция советского периода есть наследник (по прямой) социальных отношений, господствовавших в передельной общине... Русское общество... по своей природе... перманентно-передельное. Переделы происходят периодически, с тем, чтобы имущество не превратилось в собственность» (33, с. 55–56). В современных условиях коррупционный механизм или «механизм передела финансовых и материальных средств» явился, как считает автор, важнейшим измерением «властной плазмы» – социально-властной среды, пришедшей на смену советской «властепопуляции». В этой среде «локализируются и минимизируются конфликты постсоветского общества» – отсюда и название, возникшее по аналогии с «социальной плазмой» Р. Дарендорфа (33, с. 42–45).

ные потребности и интересы выше системы. И это понятно: она не оправдала себя – ни экономически, ни идеологически (см., напр.: 47). (Единственным ее оправданием сразу и уже навсегда стала война.) Ей не стоило служить, – но можно было использовать ее возможности для себя. *В позднесоветское время сформировалась критическая номенклатурная масса, которая захотела «Дворца».* Она и начала его созидать. (Ю. Андропов и М. Горбачев, по существу, пытались переломить тенденцию эволюции позднесоветского государства к «Дворцу»: первый – репрессией, в логике «полицейского» государства; второй – стремясь легализовать и цивилизовать «теневую» экономику, в логике рынка, правового государства. Обе попытки не удались. В 1990-е годы еще сохранялся выбор в определении направления государственной эволюции: «Дворец» или нечто более современное, адекватное идее государства. Удачная экономическая конъюнктура, открывшая новые перспективы передела, окончательно смела «антидворцовые» перспективы.)

Потом инициативу перехватили «неноменклатурные пришельцы» – более «голодные», народные и соответствующие моменту выходцы из «низов», прорвавшиеся «наверх» в жестокой конкурентной борьбе «на уничтожение». Они придали творению новый смысл – модернизация быта (за счет заимствования улучшающих его западных технологий) и всеобщее потребительство. Привлекли еще национализм, призванный заменить советскую идею социальной справедливости и компенсировать великодержавные комплексы. Однако он, скорее, имитационен, – у «Дворца» нет и не может быть высокой идеи, высшего смысла. Он их не приемлет. Потребительский эгоизм и инстинкт насыщения «правлящего класса», не сдерживаемые ограничителями советских времен, – этим исчерпывается «Дворец». Поэтому он в принципе не способен предложить гражданам такой проект общества, который вызвал бы у них доверие, сформировать систему ценностей и норм солидарности, создать основу для роста коллективной ответственности и ощущения общей судьбы.

В конечном счете, «Дворец» возник в ситуации «переопределения» позднесоветских «элит», их адаптации к новым историческим условиям. В государстве же «дворцового типа» по-иному проявилась варварская природа советского государства, очевидная во всем: хозяйствовании, администрировании, но главное – в отношении к человеку. Преимущество очевидно: и в том и в другом случае человек (не ЧеловекоВласть, а просто человек со своими потребностями и интересами) не рассматривается в качестве главной социальной перспективы. Наши системы строятся не для него. А он, движимый культурно-исторической логикой, парадоксальным образом соучаствует в их строительстве.

Исторические модели «Дворца»

Исторический опыт не берется из ничего и не может пройти бесследно. При всех изменениях в определенном социокультурном типе сохраняются некие определяющие для него черты, «технологии» самовыражения. Казалось, уже пережитые и забытые, они – при исчерпании каких-то функций и возможностей, в типологически сходных с прежними исторических условиях – возобновляются, начинают работать. Конечно, попадая в новую социальную, темпоральную, пространственную конфигурацию, ведут себя иначе. Но являются вполне узнаваемыми.

Таков феномен «Дворца». Это не случайность и не «вывих», – здесь не прав В.О. Ключевский. И не явление общего порядка, характерное для «большинства обществ переходного типа, в которых проводится авторитарно-бюрократическая модернизация»⁷³. Видимо, в не-

⁷³ Готовность списать всю «неудобную» российскую специфику на «переходный период» и «модернизацию» вообще характерна для современных исследователей. В эту специфику попадают и особые отношения нынешнего государства и граждан: «патерналистские представления о «должном» государстве, способном защитить своих граждан и реализовать их интересы», – и «сложившаяся практика подчинения интересов государственной бюрократии частным и корпоративным интересам, ее неспособность к реализации общественных запросов, общая неэффективность» (4, с. 88–89).

драх российского государства заложена «дворцовая программа» (или «дворцовый код»), – иначе она не срабатывала бы. По существу, это «код» элементарности/упрощенчества, ориентирующий на существование по линии «наименьшего сопротивления». Он (среди прочего) составляет качество русской культуры, русской государственной традиции. В процессе исторического «оцивилизовывания», «окультуривания» наше государство преодолевало в себе «Дворец», переставало быть только «Дворцом», приобретая черты «регулярного», «полицейского», «правового», «социального». В какой-то мере «дворцовые» инстинкты ограничивала религия, затем – коммунистическая идеология.

Однако в разные периоды своего существования русское государство, повторю, сохраняло (среди прочего) черты «дворцового». В истории заметны, по крайней мере, два варианта «Дворца»:

– «большой Дворец» (это «классический вариант», следствие демобилизационного беспорядка) – его составляет достаточно большой круг людей, допущенных к элитарному «перемолоту» наличной доходной материи. Чем шире этот круг, тем больше имущественное неравенство, – но и пространство общественных свобод. Это времена дворянских вольностей, усиления аристократии, требующей себе не только имущественных, но и личных прав. Отказываясь платить по общесоциальным счетам (служить и жертвовать во имя национальных интересов), «элита» «большого Дворца» «скатывается» к «римско-ренессансному» типу.

И здесь действует интересная закономерность. Правящее сословие всегда тяготило желание расширить «Дворец», как наиболее естественную для себя форму существования. Делая это, оно невольно увеличивало объем общественных свобод, а значит, способствовало росту субъектности общества. То есть свобода в России – «незаконное дитя» растущего «Дворца». Эмансипация предполагает и снятие ограничений с передельных инстинктов социума, что выражается в росте коррупции.

Самые яркие примеры «большого Дворца» дали послепетровский XVIII в. с его «верхушечной» («элитарной») коррупцией и закрепощением основной массы населения, а также рубеж XX–XXI столетий, когда в коррупционные процессы включились освобожденные все. Не умея и не желая согласовывать свои интересы правовым порядком, «вольные субъекты» вступили в войну друг с другом за доступ к «зонам» передела. Чем больше субъектов, – тем масштабнее военные действия.

Становясь массовым, «Дворец» способен переродиться в нечто иное – возможно, более современное, даже гуманное и цивилизованное. Но перерождение сопровождается явлениями развала/распада/анархии, этими спутниками русской свободы. Не будучи ничем (даже логикой самосохранения) ограничены, они могут привести к полной дезорганизации. И тогда явятся или новая деспотия в условиях тотальной варваризации, – или какое-то другое государство;

– «малый Дворец» (соответствует периоду «сползания» к мобилизационному порядку) – «дворцовое государства» ужимается до узкого круга «избранных» («опричных», «петровских», «ордена меченосцев»), а общество становится более эгалитарным. Это понятно: потребляя меньше, «Дворец» больше оставляет народу. При этом наблюдает за поддержанием относительного равенства в распределении. Однако с усилением контроля «сверху» сужается зона общественных свобод. Урезается и свобода внутри «Дворца»: получив всё и став всем в русском мире, «дворцовые» вынуждены от многого отказываться. Платой за «избранность» становится участие в мобилизационном развитии.

Немногочисленная «элита» в такие моменты тяготеет к военно-монастырскому, «орденскому» типу. Консолидируясь вокруг верховной власти, она решает национальные задачи (прежде всего, экспансии в пространстве), удовлетворяет национальные интересы. Метод решения – террор, в рамках которого вполне эффективно борются и с коррупцией, накидывая узду на передельные социальные инстинкты. Во имя общего подавляются интересы личные, корпоративные, общественные. Это путь перерождения государства «дворцового» в «слу-

жское», деспотизм которого оправдан идеей всеобщей службы. На этом пути могут быть эксцессы варварско-криминального характера (как грозненский и сталинский террористические режимы).

Именно «служилое» государство, «кормящее» только «служивых», понимается и принимается как «дблжное» основной массой народонаселения. То есть получает в народном восприятии статус «государства правды»: поравнение социума в службе, потреблении и уязвимости перед государственным насилием воспринимается как реализация принципа социальной справедливости. В ходе такой реализации все социальные силы – добровольно или насильственно – отказываются от собственной субъектности в пользу верховной власти. Государство в таких условиях становится монополистом, распределяющим блага и наказания, военизируется и приобретает идеократический характер.

Конечно, это только один из возможных взглядов на историческую динамику нашего государства. И фиксирует он крайние варианты его самореализации. Действительность сложнее, – в ней нет «чистых» типов, действуют разные тенденции. Но такая оптика позволяет несколько сместить акценты в суждениях о современном государстве. От него не следует ждать самореализации в режиме демократического, правового, социального, приписывать соответствующие этому режиму потенции. Хотя наше государство, безусловно, имеет эти черты, т.е. в нем заметны сопоставимые с современным западным элементы, которые – сами по себе – могли бы дать соответствующее качество. Однако попадая в иной контекст, элементы современного государства начинают вести себя иначе, в основном подчиняясь господствующей в данной системе логике. Ее я и предлагаю называть «дворцовой».

Эта логика не архаична, а сам «Дворец» – не неожиданный кратковременный выплеск архаики. Постсоветский «Дворец» есть наложение особой (назовем ее патримониальной, «вотчинной» и «ресурсной») природы нашего государства – никогда не исчезавшей, дремавшей, но активизировавшейся – и передельной (а также «сословно-иерархической») природы нашей социальности на современный момент: свободы, плюральности (сравнительно с советским временем), выхода из-под государственного контроля частной сферы, открытости миру, интернационализации потребления, отсутствия реальной военной угрозы. В «дворцовом» государстве смешалось многое: «родовые» черты, воспоминания о советском и советские практики, представления о западном и западные технологии и т.д. В «постмодернистском» «Дворце» 2000-х неожиданным образом совместились даже разные «дворцовые» логики – «демобилизационная» (среди прочего – освободительная), возобладавшая в 1990-е, и мобилизационная, ограничительная. Причем совмещение дало эффект, наиболее опасный с общесоциальной точки зрения.

Преодолевая «разброд» 90-х, дисциплинируясь и подавляя «властесмуту», «Дворец» «нулевых» не желает отказываться от завоеваний тех лет – богатства и социальной безответственности. Усилив контроль над обществом (насколько было нужно) и нагнетая «мобилизационную тревогу», не идет на самоограничение. Что по-человечески понятно: крайне трудно делиться (денег всегда не хватает) и служить, особенно если и нынешняя служба тяготит как рабский труд на галерах. Наконец привыкнув к отсутствию всяких внешних ограничений и не имея внутренних, путинско-медведевский «Дворец» живет по принципу: «сегодня можно все». При этом продуцирует соответствующую общественную атмосферу: раз «верхним» позволено, то и всем разрешено. Главное – нажать, как – не важно. Сейчас это главные принцип и норма, на которых строится социальное взаимодействие. Правда, так взаимодействовать можно лишь «при условии неумеренного разрастания «пирога» доходов, создаваемого высокими ценами на углеводороды и вообще сырье»⁷⁴.

Это уникальная даже для России ситуация навязчиво провоцирует вопрос: «дворцовый режим» функционирования государства есть «временная передышка» – или

⁷⁴Холодковский К.Г. К вопросу о политической системе современной России // Полис. – М., 2009. – № 2(110). – С. 7–22. – С. 13.

расслабление/распад, на которых паразитирует и которые катализирует «Дворец», непреодолимы? Каков бы ни был ответ, очевидно, что социальные перспективы располагаются в следующей вилке: выход из «паузы», где весьма вероятен террористический сценарий, – одряхление/умирание.

Наши перспективы: куда идем мы за «Дворцом»?

Сегодняшний – динамичный и веселый, талантливый и роскошный, торгующий и празднующий, во всем этом самоутверждающийся – «Дворец» окружен грозными опасностями. И он их, вероятно, – хотя бы интуитивно – ощущает.

Начнем с «внешней» опасности: «Дворец» не соразмерен современному миру, не способен справиться с сокращающимися географией и демографией – главными проблемами нынешней России. Мир давит на «Дворец», заставляя его искать ответы на современные вызовы. Для этого – усмирять хищнические владельческие инстинкты. А он – не хочет; возможно, уже и не может. В созданных – до него и им самим – геополитических условиях у него почти нет игры. Нет друзей – и возможностей стать центром новой гегемонистской системы, втянуть в свою орбиту новых саттелитов; нет очевидных врагов, – зато масса новых угроз (на одну из них указывает анекдот – национальный лидер в середине XXI в. отчитывается перед вдруг материализовавшимся «вождем народов»: на китайско-финской границе все спокойно); воспоминания о недавнем прошлом не позволяют смириться со статусом региональной страны, – но нет и ресурса для сверх- (или велико)державности (см., напр.: 25, с. 84–98). Ситуация почти тупиковая: единственный выход – умерить внешнеполитические амбиции, отдав приоритет наращиванию экономики и созданию человеческого капитала. Но здесь «Дворец» – нам не лидер; он слишком богат, жаден, самоуверен и амбициозен, заморожен образами собственного успеха.

Главная «внутренняя» опасность для «России–Дворца» – в том, что он обслуживает чрезвычайно узкие социальные интересы. Возможны разные сценарии как ее обострения/разрастания, так и гашения/нейтрализации. Причем, сценарии одинаково малоприятные – уже не только для «Дворца», но и для всех нас. Речь идет о националистической реакции – «сверху» или «снизу».

Первый сценарий обусловлен тем, что «низы» в какой-то момент могут отказаться жить так, как устроил их «Дворец». О радостях жизни «недворцовой» России «Дворцу», в общем-то, известно. Потому что значительная часть «Дворца» сама еще вчера была «не-Дворцом». Но ему так хочется поскорее о них забыть, что он не воспринимает их всерьез, гася воспоминания и тревогу PR-ом и подачками. А радости эти кого угодно способны не только утомить и обессилить, но и озлобить. При всей усталости, безразличии, социальной неэффективности «не-Дворца» (при том, что «настоящих буйных мало»), он вполне еще может потряхнуть «дворцовой» стабильностью. – Если доведут до предела.

На взрыв (или цепь локальных взрывов) «недворцовую» массу постоянно провоцирует «Дворец», в поисках новых источников передела реформирующий ЖКХ, добывающий «социалку»⁷⁵, приватизировавший энергосистему, грозящий приватизацией метро и т.п. Катали-

⁷⁵ Один из последних шагов на этом пути – законопроект 2010 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений». Разработчик законопроекта – правительство, сокращая бюджетные расходы, идет на приватизацию «социалки» (поликлиник и больниц, школ и вузов, театров и музеев, т.е. бюджетной сферы, где занято 14 млн. человек, предоставляющих «услуги» всей стране). Для этого меняет схему их финансирования: малая часть («казенные») получит стопроцентное бюджетное финансирование, прочие («бюджетные нового типа») – госзаказ на выполнение определенных работ, а остальное должны будут взять с населения (в «формате» оказания платных услуг) (см. об этом: 1, 13 и др.). Таким образом, «Дворец» избавляется от государства советского типа (идеи и структур), иссекает его из себя. Для примитивных «дворцовых» задач советское государство избыточно, современное западное – еще и опасно (сами разговоры о

затормозить предельного обострения социального напряжения могут послужить экотехногенные катастрофы и масштабные теракты – особенно в мегаполисах. При изношенности нашей инфраструктуры и способности государственных органов к их предотвращению приходится только удивляться, что такого рода ситуации нас до сих пор миновали. Если гром грянет, возможно, поминовений и ликвидации последствий окажется недостаточно, – придется вспомнить о «дубине народного гнева».

Заметим, «Дворец» практически не ищет путей купирования протестно-анархическо-криминальной энергии, не пробует вовлечь население в производительный труд. Постсоветские «верхи» полностью положились на эффекты масскультуры и потребительства, игнорируя даже советский опыт социального управления⁷⁶. А ведь советская власть располагала богатым и достаточно эффективным арсеналом средств не только насилия, но и вовлечения/интегрирования. И ее «социальные завоевания» – вовсе не пустой звук (пусть завоевала по минимуму, но сейчас ушло и это). Не случайно люди характеризуют власть советскую как «народную», в противоположность нынешней. Конечно, в чрезвычайной ситуации у «Дворца» есть выход, – граница открыта. Для тех, кто успеет. Ближайшая перспектива для остальных (уже без различия на «Дворец»/«не-Дворец») – да здравствует русский бунт!

Вероятен и другой сценарий – опять-таки по Владимиру Ильичу: когда «верхи» не смогут «верховодить» по-«стародворцовому». Мы по-прежнему живем в дефицитном обществе, – здесь запас материи, подходящей для передела, ограничен. А «Дворец» разросся – скоро не станет хватать даже тем, кто внутри него (при их непомерных аппетитах). Тем более не останется средств на реализацию «Дворцом» функции «собеса». Так долго продолжаться не может. Здесь для «верхов» возможны два – не исключаящих друг друга – пути террористического свойства: сокращение/урезание «Дворца» (по типу грозненской опричнины – поэтому так завораживают фантазии В. Сорокина); сворачивание остатков советского «государства-собеса» и дополнительная формализация или полная отмена соучастия населения в выборе власти. И это логично: начисто лишенный «дворцовой» помощи, народ вряд ли станет голосовать правильно.

Оба пути связаны уже не с народной революцией, а с властным террором как против элит (с целью их минимизации), так и против народонаселения (прежде всего, для его устрашения). То есть дальнейшее самоосуществление современного российского государства как «дворцового» может привести к террору власти с целью полного замыкания во «Дворце», присвоения себе права перераспределения наличной (доступной социуму) материальной субстанции, не ограниченного ни «элитными сговорами», ни народным выбором. Конечно, полная реализация этого сценария возможна только в том случае, если государство замкнет внутри себя всю (или, как, минимум, экономическую) свою деятельность и перестанет нуждаться-

«демократическом и правовом» искушают, рождая ненужные иллюзии).

⁷⁶ За одним исключением – активное использование репрессивно-охранительных структур для ликвидации самих возможностей выступлений на социальной почве. Характерный факт: в июле 2010 г. Госдума силами парламентского большинства утвердила новую скандальную редакцию Закона о ФСБ, расширяющую его полномочия. Правительственные поправки наделяют спецслужбу правом выносить «официальные предостережения» за намерения, штрафовать и даже арестовывать обычных граждан. Под пристальный надзор службы, если верить пояснительной записке правительства, попадут в первую очередь активисты радикальных молодежных движений и критически настроенные журналисты и их редакции. Высокопоставленный источник журнала «Профиль» в ФСБ на условиях анонимности пояснил, что «новые права службе понадобились вовсе не для гонений на оппозицию, а для работы с теми, кто подстрекает россиян выходить на митинги протеста в регионах. Например, после повышения транспортного налога или увеличения стоимости услуг ЖКХ. В ФСБ уверены, корни социального напряжения не всегда связаны с тяжелой экономической обстановкой на предприятии или в конкретном городе. Зачастую, уверяет высокопоставленный источник, обстановку накаляют намеренно для расшатывания правопорядка во всей России и нередко – вообще извне» (26, с. 22–23). Очень знакомое обоснование очень привычных действий. Однако смысл их иной, чем в советские времена: тогда государство нападало, терроризировало, теперь «Дворец» готовится к защите (от граждан). А значит, чувствует себя неуверенно, понимает свою чуждость «недворцовой» массе.

ся в связях с внешним миром. Это почти невозможно в условиях глобализации и «интернационализации» наших «элит». Но это «невозможно» не отменяет сценария вовсе: в том или ином ограниченном варианте он может реализоваться.

С формальной ликвидацией политического выбора (и, соответственно, выборов) граждане почти наверняка легко смиряются⁷⁷. Террор же против элит неизбежно будет воспринят популяцией как долгожданная справедливая «народная война» против «врагов народа», которую за народ ведет власть. Ее тут же провозгласят «справедливой», «народной» и полюбят «по-русски», «взасос» и всепрощающе. Точкой пересечения реальности «дворцового государства» с идеей «государства трудящихся» в этом случае станет «народный царь» (самодержец от всех трудящихся), возвращающий вместе с угрозой расправы страх как стимул для труда. И мы опять сольемся в единый народ в экстазе всеобщего оптимизма. Хайль, товарищ Сталин!

Главная проблема нашего общества – неспособность совместить свободу с порядком и социальными гарантиями. Как показал XX век, в ситуации выбора мы скатываемся к одному из крайних состояний: воли/смуты, в которой исчезает государство вместе с нормативно-регулятивной функцией и потенциалом социальной защиты, или дисциплинирующей полицией, где государство-деспот гарантирует минимум, необходимый для выживания. И то и другое одинаково не комфортно и опасно для человека, так как связано с насилием над человеческой природой, ее искушением и развращением.

Сейчас мы пребываем в «фазе» воли, специфика которой выразилась (в том числе) в явлении «дворцового государства». Это такой же яркий показатель несправедливости нашего социального устройства, как крепостное право (дореволюционное или советское). Поэтому эволюция «Дворца» в современное социальное, правовое государство – вроде бы, в интересах нашего человека.

Очевидно, что для изменения ситуации – оказания влияния на политику «государства-корпорации» для придания ей бóльшей социальной ответственности – необходимо сильное давление извне. Позицию «верхов», вполне удовлетворенных «дворцовым» режимом функционирования государства, способен изменить только интенсивный и внятный запрос «низов». А это означает переориентацию хотя бы части социума (наиболее активной, креативной) с «дикого» индивидуализма, нацеленного на удовлетворение собственных материалистических потребностей – как правило, за счет другого, на индивидуализм «либерального» типа, требующий уважения интересов и прав Другого, осознания своей включенности в социальные связи и собственной в них ответственности. А, значит, – и на определенный тип государства, обслуживающего таких индивидуалистов и порожденные ими социальные отношения.

Пока признаков такой переориентации, значимого запроса на правовой порядок (иначе говоря, появления заинтересованного в нем субъекта) в российском обществе не наблюдается. Скорее, становятся все более интенсивными неудовлетворенность значительной части населения (в первую очередь активного меньшинства) собственным положением в «дворцовой» системе, что является главным основанием его оценки как несправедливого, и желание это положение изменить, – т.е. *самим стать «Дворцом»*. В такой ситуации речь может идти о смене лиц «наверху» под напором «снизу», а не об изменении системы как таковой. Получается, что главным стабилизатором «дворцового» порядка является массовый

⁷⁷ Об этом свидетельствуют, например, данные опроса ВЦИОМ (апрель 2010 г.): на вопрос «что сейчас важнее для России» 72% респондентов ответили «порядок, достигнутый даже с нарушением демократических принципов», 16% – «демократия, даже если она предоставит определенную свободу криминалу», 12% затруднились с ответом (39). Кстати, показательно некорректно поставлены вопросы: респондентам навязывается антагонизм порядок/нарушение демократии – демократия/свобода криминала.

постсоветский человек. То есть прямой и ближайший наследник человека советского с его опытом, ценностными и нормативными ориентирами, стратегиями самозащиты и социального продвижения, иллюзиями, комплексами и фобиями⁷⁸.

В постсоветской истории действует «этнос», родившийся в 1917 г., – «новая историческая общность людей», ведомая КПСС–КГБ–комсомолом и т.п. в разных их модификациях. Советско-постсоветский человек ведён потому, что раздавлен (создавшей его и одновременно им санкционированной) системой – ее насилием, своим перед нею страхом, общим лицемерием, привычкой жить в системе и списывать свое бессилие, удовлетворенность тем, чем нельзя быть довольным, на обстоятельства, внешние условия. В подавлении и развращении человека – порочность той, советской системы. Порочность этой – в том, что она ей наследует, воспитывая человека, согласного с тем, с чем нельзя соглашаться (коррупция – это наше всё, с ней и бороться надо осторожно; власть должна быть в руках одного человека; всё – путём – и нет причин сомневаться в «основах»; каждый должен быть из большинства – один как все). Стратегии адаптации «постоктябрьского этноса» к несоветским (точнее, послесоветским) условиям почти неизбежно вели его к согласию с тем социальным порядком, одним из знаковых элементов которого стал «Дворец». Парадокс заключается в том, что перспективы человека в этом порядке аналогичны тем, с которыми связывали выборы 1996 г.: голосуй, – все равно проиграешь.

Литература

1. Автономное плавание // Newsweek. – Москва, 2010. – 11–16 мая. – С. 26–27.
2. Агапова Т.А. Экономический кризис в России и результативность государственной антикризисной политики // Россия и современный мир. – М., 2010. – № 2(67). – С. 19–30.
3. Афанасьев М.Н. Невыносимая слабость государства. – М.: РОССПЭН, 2006. – 272 с.
4. Бюрократия и власть в новой России / Институт социологии РАН. Центр комплексных социальных исследований // Полития. – М., 2006. – Весна. – № 1(40). – С. 88–103.
5. Виттенберг Е.Я. Социальная ответственность бизнеса: широкий взгляд // Россия и современный мир. – М., 2007. – № 3(56). – С. 124–141.
6. Власть, бизнес и гражданское общество: Материалы дискуссий. – М.: ОГИ, 2003. – 280 с. (Сер. «Дискуссии Фонда «Либеральная миссия»).
7. Галкин А.А. Смутные времена: Последствия и уроки // Полития. – М., 2009. – № 3(54). – С. 6–25.
8. Гаман-Голутвина О.В. Меняющаяся роль государства в контексте реформ государственного управления: Отечественный и зарубежный опыт // Полис. – М., 2007. – № 4. – С. 34–45.
9. Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты современной России: Портрет в изменившемся интерьере // Политическая наука в современной России: Время поиска и контуры эволюции: Ежегодник 2004. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 157–177.
10. Глазьев С.Ю. О стратегии развития российской экономики // Россия и современный мир. – М., 2007. – № 3(56). – С. 103–123.

⁷⁸ Это социологический факт, подтвержденный множеством исследований: «Степень глубины, равно как и темпы изменения российского национального самосознания не столь велики, как об этом принято говорить и писать; слегка пошатнувшаяся в первой половине 1990-х годов советская парадигма продолжает демонстрировать удивительную устойчивость» (12, с. 16). Она определяет ценностно-смысловое ядро российской ментальности, делая нас такими непохожими на других – во всяком случае, на европейцев. Именно поэтому «даже в условиях системной трансформации... практически все аспекты и проблемы современного мира – демократия и рыночная экономика, свобода и социальная ответственность, отношения между личностью, обществом и государством – получают в России специфические звучание и окраску» (12, с. 17).

11. Головляница Е.Б. Инновационен ли российский средний класс? Особенности профессиональной структуры и трудовых ценностей среднего класса накануне кризиса // Мир России. – М., 2009. – № 4 (Т. XVIII). – С. 19–36.
12. Горшков М.К. Российское общество в социологическом измерении // Мир России. – М., 2009. – № 2 (Т. XVIII). – С. 3–21.
13. Госотказ: Спасутся не все // Итоги. – М., 2010. – 8 марта. – С. 18–21.
14. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левинсон А.Г. Фоторобот российского обывателя // Мир России. – М., 2009. – № 2 (Т. XVIII). – С. 22–33.
15. Двойной стандарт // Профиль. – М., 2010. – 21 июня. – № 23. – С. 34–35.
16. Иноземцев В. Призыв к порядку // Свободная мысль. – М., 2008. – № 10. – С. 57–70.
17. Иноземцев В.Л. История и уроки российских модернизаций // Россия и современный мир. – М., 2010. – № 2(67). – С. 6–18.
18. Итоги 2004 г.: Что дальше? // Экономическое возрождение России. – М., 2005. – № 1(3). – С. 76–80.
19. Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. – Кн. 3. – М.: Мысль, 1993. – 559 с.
20. Клямкин И. Постмилитаристское государство // Российское государство: Вчера, сегодня, завтра. – М., 2007. – С. 11–28.
21. Кордонский С. Россия: Поместная Федерация. – М.: «Европа», 2010. – 312 с.
22. Кризис в головах: Интервью с гендиректором ВЦИОМ В. Федоровым // Итоги. – М., 2008. – 15 дек. – С. 63–65.
23. Лебедева М.М. Мировая политика: тенденции развития // Полис. – М., 2009. – № 4. – С. 72–83.
24. Малева Т. Социальные страты и социальная политика: от уроков прошлого к будущему развитию // Россия: Ближайшие десятилетия: Сб. ст. – М., 2004. – С. 75–82.
25. Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Макаренко Б.И., Мелешкина Е.Ю., Миронюк М.Г., Сергеев В.М., Тимофеев И.Н. Российская внешняя политика глазами экспертного сообщества // Полис. – М., 2009. – № 4(112). – С. 84–98.
26. Министерство страха // Профиль: Деловой еженедельник. – М., 2010. – 21 июня. – № 23. – С. 22–23.
27. Награда недели // Коммерсантъ Власть. – М., 2010. – 5 апр. – С. 24.
28. Няня в законе // Итоги. – М., 2010. – 8 марта. – С. 7.
29. Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М.: Независимая газета, 1993. – 421 с.
30. Пастухов В.Б. Медведев и Путин: Двоемыслие как альтернатива двоевластию. Послесловие политического циника к дискуссии о либеральном повороте // Полис. – М., 2009. – № 6(114). – С. 119–139.
31. Перегудов С.П. Корпорации, общество, государство: Эволюция отношений. – М.: Наука, 2003. – 352 с.
32. Перегудов С.П. Организованные интересы и российское государство: смена парадигм // Полис. – М., 1994. – № 5. – С. 31–35.
33. Пивоваров Ю.С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. – М.: РОССПЭН, 2006. – 168 с.
34. Попов Г.Х. О проблемах кризиса 2008 г. // Полития. – М., 2009. – № 3. – С. 87–99.
35. Пушкирев С.Г. Обзор русской истории. – М.: Наука, 1991. – 390 с.
36. Пшизова С.Н. Res publica Corporationum: Заметки на полях книги С.П. Перегудова «Корпорации, общество, государства: Эволюция отношений» (М.: Наука, 2003) // Политическая наука в современной России: Время поиска и контуры эволюции: Ежегодник 2004. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 415–427.
37. Пшизова С.Н. Политика как бизнес: Российская версия // Полис. – М., 2007. – № 3. – С. 65–79.

38. Российская идентичность в социологическом измерении: Аналитический доклад Рабочей группы ИС РАН // Полис. – М., 2008. – № 1. – С.
39. Россия в цифрах // Коммерсантъ Власть. – М., 2010. – 19 апр. – С. 12.
40. Средние классы в России: Экономические и социальные стратегии / Под ред. Т.М. Малеевой. – М.: Гендольф, 2003. – 506 с.
41. Стулья из дворца // Профиль. – М., 2010. – 21 июня. – № 23. – С. 14.
42. Тамаш П. Потерянное десятилетие России: От капитализма-1 к капитализму-2 // Конец ельцинщины. – Будапешт, 1999. – С. 97–126.
43. Уссурийские игры // Русский Newsweek. – М., 2010. – 14–20 июня. – № 25(293). – С. 12–16.
44. Холодковский К.Г. Антикризисные меры и общество // Полития. – М., 2009. – № 3(54). – С. 58–75.
45. Холодковский К.Г. К вопросу о политической системе современной России // Полис. – М., 2009. – № 2(110). – С. 7–22.
46. Шелов-Коведяев Ф.В. Природа кризиса в России и в мире: Общее и особенное // Полития. – М., 2009. – № 3. – С. 110–114.
47. Черняев А.С. Совместный исход: Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. – М.: РОССПЭН, 2008. – 1047 с.
48. Экспериментальный диалог на заданную тему // Западники и националисты: Возможен ли диалог? Материалы дискуссии. – М.: ОГИ, 2003. – С. 13–69.
49. Энергии не занимать (Выговор) // Newsweek. – М., 2010. – 1–7 марта. – С. 8.